

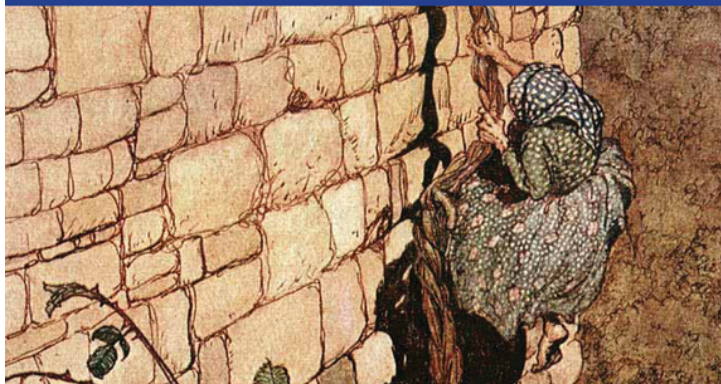

Братья Гримм

Немецкие народные сказки

Перевод с немецкого
Григория Петникова

ФТМ

Якоб и Вильгельм Гримм

Немецкие народные сказки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17131443
Немецкие народные сказки: ФТМ; Москва; 2016
ISBN 978-5-4467-2180-1

Аннотация

Сборник немецких народных сказок, опубликованный знаменитыми учёными-филологами братьями Якобом и Вильгельмом Гримм в 1812 г., стал одной из любимых книг читателей всего мира.

Содержание

1. Король-лягушонок, или Железный Гейнрих	4
2. Кошка и мышка вдвоем	11
191а. Разбойник и его сыновья	16
4. Сказка о том, кто ходил страху учиться	26
5. Волк и семеро козлят	42
6. Верный Иоганнес	47
7. Удачная торговля	60
8. Чудаковатый музыкант	68
9. Двенадцать братьев	73
10. Всякий сброд	82
11. Братец и сестрица	85
12. Рапунцель	95
13. Три маленьких лесовика	102
14. Три пряжи	111
15. Гензель и Гретель	115
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Якоб Гримм, Вильгельм Гримм

Немецкие народные сказки

1. Король-лягушонок, или Железный Гейнрих

1

В стародавние времена, когда заклятья еще помогали, жил-был на свете король; все дочери были у него красавицы, но самая младшая была так прекрасна, что даже солнце, много выдавшее на своем веку, и то удивлялось, сияя на ее лице.

Вблизи королевского замка раскинулся большой дремучий лес, и был в том лесу под старую липой колодец; и вот в жаркие дни младшая королева выходила в лес, садилась на край студеного колодца, и когда становилось ей скучно, она брала золотой мяч, подбрасывала его вверх, и ловила, — это было ее самой любимой игрой. Но вот однажды, подбросив свой золотой мяч, она поймать его не успела, он упал на-

¹ Порядок нумерации соответствует каноническим изданиям сказок братьев Гримм, за исключением сказок № 194а и № 191а.

земь и покатился прямо в колодец. Королевна глаз не спускала с золотого мяча, но он исчез, а колодец был такой глубокий, такой глубокий, что и дна было не видать. Заплакала тогда королевна, и стала плакать все сильнее и сильнее, и никак не могла утешиться. Вот горюет она о своем мяче и вдруг слышит – кто-то ей говорит:

– Что с тобой, королевна? Ты так плачешь, что и камень разжалобить можешь.

Она оглянулась, чтоб узнать, откуда это голос, вдруг видит – лягушонок высунул из воды свою толстую, уродливую голову.

– А-а, это ты, старый квакун, – сказала она, – я плачу о своем золотом мяче, что упал в колодец.

– Успокойся, чего плакать, – говорит лягушонок, – я тебе помогу. А что ты мне дашь, если я найду твою игрушку?

– Все, что захочешь, милый лягушонок, – ответила королевна. – Мои платья, жемчуга, драгоценные камни и впридачу золотую корону, которую я ношу.

Говорит ей лягушонок:

– Не надо мне ни твоих платьев, ни жемчугов, ни драгоценных камней, и твоей золотой короны я не хочу; а вот если б ты меня полюбила бы да со мной подружилась, и мы играли бы вместе, и сидел бы я рядом с тобой за столиком, ел из твоей золотой тарелочки, пил из твоего маленького кубка и спал с тобой вместе в постельке, – если ты мне обещаешь все это, я мигом прыгну вниз и достану тебе твой

ЗОЛОТОЙ МЯЧ.

– Да, да, обещаю тебе все, что хочешь, только достань мне мой мяч! – А сама про себя подумала: «Что там глупый лягушонок болтает? Сидит он в воде среди лягушек да квакает – где уж ему быть человеку товарищем!»

Получив с нее обещанье, лягушонок нырнул в воду, опустился на самое дно, быстро выплыл наверх, держа во рту мяч, и бросил его на траву. Увидав опять свою красивую игрушку, королевна очень обрадовалась, подняла ее с земли и убежала.

– Постой, постой! – крикнул лягушонок. – Возьми и меня с собой, ведь мне за тобой не угнаться!

Но что с того, что он громко кричал ей вслед свое «ква-ква»? Она и слушать его не хотела, поспешая домой. А потом и совсем позабыла про бедного лягушонка, и пришлось ему опять спуститься в свой колодец.

На другой день она села с королем и придворными за стол и стала кушать из своей золотой тарелочки. Вдруг – топ-шлеп-шлеп – взбирается кто-то по мраморной лестнице и, взобравшись наверх, стучится в дверь и говорит:

– Молодая королевна, отвори мне дверь!

Она побежала поглядеть, кто бы это мог к ней постучаться. Открывает дверь, видит – сидит перед ней лягушонок. Мигом захлопнула она дверь и уселась опять за стол, но сделалось ей так страшно-страшно. Заметил король, как сильно бьется у нее сердечко, и говорит:

– Дитя мое, чего ты так испугалась? Уж не великан ли какой спрятался за дверью и хочет тебя похитить?

– Ах, нет, – сказала королева, – это вовсе не великан, а мерзкий лягушонок.

– А что ему от тебя надо?

– Ах, милый батюшка, да вот сидела я вчера в лесу у колодца и играла, и упал в воду мой золотой мяч. Я горько заплакала, а лягушонок достал мне его и стал требовать, чтоб я взяла его в товарищи, а я и пообещала ему, – но никогда я не думала, чтобы он мог выбраться из воды. А вот теперь он явился и хочет сюда войти.

А тем временем лягушонок постучался опять и кликнул:

Здравствуй, королева,
Дверь открой!
Неужель забыла,
Что вчера сулила,
Помнишь, у колодца?
Здравствуй, королева,
Дверь открой!

Тогда король сказал:

– Ты свое обещание должна выполнить. Ступай и открой ему дверь.

Она пошла, открыла дверь, и вот лягушонок прыгнул в комнату, поскакал вслед за ней, доскакал до ее стула, сел и говорит:

– Возьми и посади меня рядом с собой.

Она не решалась, но король велел ей исполнить его желание. Она усадила лягушонка на стул, а он на стол стал проситься; посадила она его на стол, а он говорит:

– А теперь придвинь мне поближе свою золотую тарелочку, будем есть с тобой вместе.

Хотя она и исполнила это, но было видно, что очень неохотно.

Принялся лягушонок за еду, а королевне и кусок в горло не лезет. Наконец он говорит:

– Я наелся досыта и устал, – теперь отнеси меня в свою спальню, постели мне свою шелковую постельку, и ляжем с тобой вместе спать.

Как заплакала тут королевна: страшно ей стало холодно-го лягушонка, боится до него и дотронуться, а он еще в прекрасной, чистой постельке спать с ней собирается. Разгневался король и говорит:

– Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится.

Взяла она тогда лягушонка двумя пальцами, понесла его к себе в спальню, посадила в углу, а сама улеглась в постельку. А он прыгнул и говорит:

– Я устал, мне тоже спать хочется, – возьми меня к себе, а не то я твоему отцу пожалуюсь.

Рассердилась тут королевна и ударила его изо всех сил об стену.

– Ну, уж теперь, мерзкий лягушонок, ты успокоишься!

Но только упал он наземь, как вдруг обернулся королевичем с прекрасными, ласковыми глазами. И стал с той поры, по воле ее отца, ее милым другом и мужем. Он рассказал ей, что его околдовала злая ведьма, и никто бы не мог освободить его из колодца, кроме нее одной, и что завтра они отправятся в его королевство.

Вот легли они спать и уснули. А на другое утро, только разбудило их солнышко, подъехала ко дворцу карета с восьмериком белых коней, и были у них белые султаны на голове, а сбруя из золотых цепей, и стоял на запятках слуга королевича, а был то верный Гейнрих. Когда его хозяин был обращен в лягушонка, верный Гейнрих так горевал и печалился, что велел оковать себе сердце тремя железными обручами, чтоб не разорвалось оно от горя и печали.

И должен был в этой карете ехать молодой король в свое королевство. Усадил верный Гейнрих молодых в карету, а сам стал на запятках и радовался, что хозяин его избавился от злого заклятья.

Вот проехали они часть дороги, вдруг королевич слышит – сзади что-то треснуло. Обернулся он и крикнул:

– Гейнрих, треснула карета!

– Дело, сударь, тут не в этом,

Это обруч с сердца спал,
Что тоской меня сжимал,

Когда вы в колодце жили
Да с лягушками дружили.

Вот опять и опять затрещало что-то в пути, королевич думал, что это треснула карета, но были то обручи, что слетели с сердца верного Гейнриха, потому что хозяин его избавился от злого заклятья и стал снова счастливым.

2. Кошка и мышка вдвоем

Познакомилась раз кошка с мышью и столько наговорила ей про свою большую любовь и дружбу, что мышь согласилась наконец жить с ней в одном доме и вести сообща хозяйство.

– Надо будет на зиму сделать запасы, а не то придется нам с тобой голодать, – сказала кошка, – но тебе-то ведь, мышка, всюду ходить нельзя, а то, чего доброго, попадешься в ловушку.

Так они и порешили и купили себе про запас горшочек жиру. Но они не знали, где его спрятать, и вот после долгих раздумий кошка и говорит:

– Лучшего места, нежели в церкви, я и не знаю. Уж оттуда никто его утащить не посмеет. Давай поставим горшочек под алтарем и не будем его трогать до той поры, пока он нам не понадобится.

И вот спрятали они горшочек в надежном месте. Но прошло ни много ни мало времени, как захотелось вдруг кошке жиром полакомиться, – и говорит она мышке:

– Знаешь что, мышка, зовет меня тетка на крестины: родила она сыночка, беленького с рыжими пятнышками; так вот, буду я у нее кумой. Я пойду, а ты уж сама за хозяйством присмотри.

– Ладно, – говорит мышь, – ступай себе с Богом, а еже-

ли будет что вкусное, ты и обо мне не забудь, – я бы тоже не прочь немножко сладенького красного винца хлебнуть.

Но все, что рассказала кошка, была неправда, – никакой тетки у нее не было, и никто не звал ее на крестины. А пошла она прямо в церковь, подобралась к горшочку с жиром, начала лизать, – и слизала всю верхушку. Потом прогулялась по городским крышам, огляделась, легла на солнышке и стала облизывать себе усы, вспоминая о горшочке с жиром. И только под вечер воротилась она домой.

– Ну, вот наконец ты и вернулась, – сказала мышка, – небось день свой провела весело?

– Да, неплохо, – ответила кошка.

– А как же назвали ребеночка? – спросила мышка.

– Початочком, – холодно ответила кошка.

– Початочком? – воскликнула мышка. – Что это за странное и редкое имя, разве оно принято в вашем семействе?

– Да что о том говорить, – сказала кошка, – пожалуй, оно не хуже, чем какой-нибудь Воришка Хлебных Крошек, как твоих крестников называют.

Захотелось вскоре кошке опять полакомиться. И говорит она мышке:

– Сделай мне одолжение, побудь еще разок дома да присмотри сама за хозяйством, меня опять зовут на крестины; отказаться мне никак невозможно, ведь у ребеночка белый воротничок вокруг шейки.

Добрая мышка согласилась. А кошка пробралась вдоль го-

родской стены в церковь да и выела половину горшочка жира. «Нет ничего вкусней, – подумала она, – когда что-нибудь поешь одна», и осталась такой работой вполне довольна.

Воротилась она домой, а мышка ее и спрашивает:

– Ну, как же назвали ребеночка?

– Серединкою, – ответила кошка.

– Серединкою? Да что ты! Я такого имени отродясь не слыхала, бьюсь об заклад, что его и в календаре-то нет.

Стала кошка вскоре вспоминать о лакомстве и облизываться.

– Ведь хорошее-то случается всегда трижды, – говорит она мышке, – приходится мне опять кумой быть. Ребеночек-то родился весь черненький, одни только лапки беленькие, и ни единого белого пятнышка, а случается это в несколько лет раз, – отпусти уж меня на крестины.

– Початочек! Серединка! – ответила мышка. – Какие, однако ж, странные имена, есть над чем призадуматься.

– Да ты вот все дома сидишь в своем темно-сером фризювом кафтане с длинной косичкой, – сказала кошка, – да только ворчишь; а все оттого, что днем из дому не выходишь.

Когда кошка ушла, мышка убрала в доме и навела в хозяйстве всюду порядок, а кошка-лакомка тем временем слизала весь жир в горшочке дочиста. «Когда все поешь, только тогда и успокоишься», – сказала она про себя и лишь к ночи вернулась домой, сытая и жирная. А мышка тотчас ее и спрашивает:

– А какое ж имя дали третьему ребеночку?

– Оно тебе, пожалуй, тоже не понравится, – ответила кошка, – назвали его Поскребышкой.

– Поскребышек! – воскликнула мышка. – Да-а! Над таким именем призадумаешься: я пока не видала, чтобы такое имя было где напечатано. Поскребышек! А что же оно должно значить? – Покачала она головой, свернулась в клубочек и легла спать.

И с той поры никто не звал кошку на крестины. А подошла зима, нечем было уже на дворе поживиться, – тут и вспомнила мышка про свои запасы и говорит:

– Кошка, давай-ка наведемся к нашему горшочку с жиром, ведь мы его приберегли, теперь нам есть чем полакомиться.

– Что ж, – говорит кошка, – это будет, пожалуй, так же вкусно, каклизать язычком воздух.

Пустились они в путь-дорогу. Приходят, – стоит горшочек на том самом месте, да только пустой.

– Ох, – говорит мышка, – теперь-то я вижу, что случилось, теперь мне ясно, какой ты мне верный друг! Ты все сама поела, когда на крестины ходила; сначала початочек, потом серединку, а затем...

– Да замолчи ты! – крикнула кошка. – Еще одно слово, и я тебя съем.

«Поскребышек», – вертелось на языке у бедной мышки; и только сорвалось это слово у ней с языка, прыгнула кошка,

схватила ее и съела.

Вот видишь, как бывает оно на свете.

191а. Разбойник и его сыновья

Жил когда-то на свете разбойник. Он обитал в дремучем лесу, в ущельях и пещерах, вместе со своими товарищами. Когда по большой дороге проезжали князья, помещики и богатые купцы, он подкарауливал их и забирал у них деньги и добро. Вот стал он годами постарше, это ремесло ему перестало нравиться, и он раскаялся, что совершил так много зла. Стал он вести жизнь более правильную, как человек честный, и, где только мог, делал добро. Было у него трое сыновей, когда они подросли, он позвал их к себе и сказал:

– Милые мои дети, скажите, какое вы ремесло хотите себе избрать, чтобы честно свой хлеб зарабатывать?

Посоветовались сыновья между собой и ответили ему так:

– Яблоко недалеко от яблони падает, мы хотим заняться тем, чем и вы занимались, – мы желаем быть разбойниками. Нам не по нутру такое ремесло, когда надо с утра до вечера работать, а заработок получать малый и вести тяжелую жизнь.

– Ах, милые дети, – ответил отец, – почему вы не хотите жить спокойно и довольствоваться малым? Живи честно – проживешь дольше. Заниматься разбоем – злое и бесчестное дело, оно приводит к плохому концу: не будет вам от такого богатства радости. Вас в конце концов поймают и повесят на виселице.

Но сыновья не обратили внимания на его предостережения, остались при своем и порешили начать. Они знали, что на конюшне у королевы находится прекрасная лошадь и что она очень дорогая, и решили ее украсть. Кроме того, они довелись, что лошадь эта не ест другого корма, кроме сочной травы, которая растет только в одном из сырых лесов. Пошли они втроем в тот лес, нарезали травы, связали ее в большую вязанку и спрятали в нее своего младшего брата, что был из них самый маленький, и сделали они это так ловко, что заметить его было нельзя. И вот вынесли они ту вязанку травы на базар. Королевский конюший купил этот корм, велел отнести его в стойло и дать лошади. Когда наступила полночь и все уже спали, выбрался младший брат из вязанки с травой, отвязал лошадь, надел на нее золотую уздечку и шитую золотом сбрую; а бубенцы, что висели на ней, он залепил воском, чтоб не было слышно звонка. Потом открыл он ворота и помчался вскачь к тому месту, куда указали ему братья. Заметили вора одни только городские сторожа, они бросились вслед за ним, нашли его вместе с братьями, поймали их всех троих и отвели в тюрьму.

Привели их на другое утро к королеве. Она увидела, что все трое парни красивые, спросила у них, откуда они родом, и узнала, что они сыновья старого разбойника, который изменил свой прежний образ жизни и живет теперь как добрый гражданин. Она велела отвести их назад в тюрьму и спросить у их отца, не пожелает ли он своих сыновей

выкупить. Но старик пришел и сказал:

– Мои сыновья не достойны того, чтобы я тратил на них хотя бы один грош.

Но королева сказала ему:

– Ты был знаменитым разбойником, так вот расскажи мне из своей разбойничьей жизни самый замечательный случай, и я верну тебе сыновей назад.

Услыхал это старик и начал свой рассказ так:

– Госпожа королева, выслушайте мою речь, я расскажу вам одно приключение, испугавшее меня больше всего на свете. Однажды я узнал о том, что в диком лесном ущелье живет великан, обладающий большими сокровищами. Я отобрал из своих товарищей побольше людей, нас было сто человек, и вот мы отправились туда. Великана дома мы не застали; мы обрадовались этому и набрали золота и серебра столько, сколько могли дотащить. Мы уже было собрались в обратный путь и считали, что мы в полной безопасности, как вдруг неожиданно-негаданно явился великан с десятью другими великанами и всех нас поймал. Поделили нас великаны между собой; и досталось каждому из них по десять, и попал я с девятью товарищами к тому великану, у которого мы похитили сокровища. Они связали нам руки на спине и погнали нас, точно овец, в свою пещеру в скале. Мы предложили откупиться деньгами и всем, что у нас было, но великан ответил:

– Мне не надо ваших богатств, я оставлю вас у себя и съем

вас, это мне будет приятней.

Потом он ощупал каждого из нас, выбрал одного и сказал: – Этот будет пожирней, с него я и начну.

Он убил его, бросил в котел с водой, который он поставил на огонь. Так съедал он каждый день одного из нас, а так как я был самым тощим, то должен был быть съеден последним. Когда мои девять товарищей были уже съедены, я решился пуститься на хитрость.

– Я вижу, что у тебя большие глаза, – сказал я великану, – а я лекарь и в таких делах человек опытный; если ты оставишь меня в живых, я вылечу тебе глаза.

Великан обещал сохранить мне жизнь, если я сумею его вылечить. Он предоставил мне все, что я для этого потребовал. Я налил масла в котел, подсыпал туда серы, смолы, соли, мышьяка и разных ядовитых снадобий и поставил котел на огонь, будто собираясь приготовить для его глаз пластырь. Только масло закипело, я предложил великану лечь на землю и вылил все, что было в котле, ему на глаза, на шею и тело, и вот он совершенно ослеп, а кожа на теле была сожжена и облезла. Он с диким воплем вскочил, потом упал и начал кататься по земле, ревя и вопя, как лев или бык. Потом разъяренный, он бросился, схватил большую дубину и, бегая взад и вперед по дому, начал бить по земле и по стенам, думая попасть в меня. Убежать мне было невозможно, – дом был со всех сторон обнесен высокими стенами, а двери заперты на железные засовы. Я кидался из угла в угол, нако-

нец я решил, что одно спасение – это взобраться по лестнице до потолка; и вот я повис на руках, уцепившись за балку. Так провисел я день и всю ночь, но больше выдержать я не мог, и тогда я спустился вниз и спрятался между овцами. Тут пришлось быть попроворней, и, чтоб великан не мог меня схватить, мне надо было все время бегать у овец между ног. Наконец я нашел в одном углу баранью шкуру, влез в нее и постарался сделать так, чтобы бараньи рога пришлись бы как раз у меня на голове. Великан имел обыкновение, перед тем как овцы выходили на пастбище, пропускать их между ног. При этом он их считал, и какая овца была пожирней, ту он и хватал, потом варил ее и съедал на обед. Это был подходящий случай убежать; я стал проходить между ногами великана, как делали это овцы. Когда великан ощупал меня и узнал, что я жирен, он схватил меня и сказал:

– Ты жирен, вот ты сегодня и попадешь ко мне в брюхо.

Я сделал прыжок и вырвался у него из рук, но он схватил меня опять. Мне удалось вырваться еще раз, но он меня снова поймал, и так продолжалось семь раз. Тогда он разгневался и сказал:

– Ну, беги, пусть тебя волки съедят, довольно ты надо мной насмеялся.

Я очутился на воле, сбросил шкуру и язвительно крикнул ему, что я все же от него убежал, и стал над ним насмеяться. Тогда он снял с пальца кольцо и сказал:

– Прими это золотое кольцо от меня в подарок, ты его за-

служил. Нехорошо, если такой хитроумный человек, как ты, уйдет от меня без даров.

Я взял кольцо, надел его себе на палец, но я не знал, что оно волшебное. С той поры, как надел я его, я принужден был кричать без умолку: «Я здесь, я здесь!» И великан мог по моему крику знать, где я нахожусь; и он бросился за мной в лес. А так как великан был слепой, то он все время наткался на деревья и падал при этом наземь, словно огромное дерево. Но он быстро подымался, а так как ноги у него были длинные и он мог делать большие шаги, то он всегда меня почти нагонял и был совсем уж близко от меня, так как я все время кричал: «Я здесь, я здесь!»

Вскоре я понял, что причина моего крика кроется в кольце; я попробовал его снять, но сделать это мне не удалось. И мне не оставалось ничего другого, как откусить себе палец. И тотчас я перестал кричать и счастливо убежал от великана. Хотя я и потерял палец, но зато спас себе жизнь.

– Госпожа королева, – сказал разбойник, – эту историю я рассказал вам для того, чтобы выкупить одного из своих сыновей, а теперь, чтобы освободить второго, я расскажу вам, что произошло дальше.

Когда я вырвался из рук великана, я блуждал в дремучих лесах, не зная, куда мне идти дальше. Я взбирался на самые высокие ели, на вершины гор, но, куда я ни вглядывался, нигде не было видно ни жилья, ни пашни, ни единого следа человеческой жизни – кругом были одни лишь страшные

лесные дебри. Я шел все дальше и дальше, мучимый голодом и жаждой, и каждую минуту боялся, что вот-вот упаду от слабости. Наконец, когда солнце начало уже заходить, я взобрался на высокую гору и увидел, что в пустынной долине подымается густой дым, будто из хлебопекарной печи. Я быстро спустился с горы в ту сторону, откуда шел дым; сойдя вниз, я увидел трех мертвецов, они были повешены на ветке дерева. Я испугался, но взял себя в руки, направился дальше и вскоре подошел к небольшому дому. Двери в нем стояли открытые настежь; у очага сидела какая-то женщина с ребенком. Я вошел, поздоровался и спросил, почему она сидит здесь одна и где ее муж; спросил, далеко ли еще до человеческого жилья. Она ответила, что до тех мест, где живут люди, очень далеко. Она рассказала мне со слезами на глазах, что прошлой ночью явились дикие лесные чудовища и похитили ее вместе с ребенком у мужа и завели в эти лесные дебри. Наутро чудовища ушли и велели ей убить ребенка и сварить его; они сказали, что, вернувшись назад, собираются его съесть. Услыхав это, я почувствовал к матери и ребенку большую жалость и решил их спасти. Я побежал к дереву, на котором были повешены трое воров, снял среднего из них, что был покрупней, и принес его в дом. Я сказал женщине, чтоб она сварила его и подала на ужин великанам. А ребенка я взял и спрятал в дупле дерева, а сам спрятался за домом так, чтобы мне можно было следить, когда подойдут великаны, и в случае чего поспешить на помощь женщи-

не. Как только стало заходить солнце, я заметил, что чудовища спускаются с горы: были они на вид страшные и жуткие, похожие на обезьян. Они волокли за собой чье-то мертвое тело, но разглядеть, что это было, я не мог. Войдя в дом, они развели огонь в очаге, разорвали зубами окровавленное тело и сожрали его. Потом они сняли с очага котел, в котором варилось мясо вора, и поделили куски между собой на ужин. Когда они поужинали, один из них, тот, кто по виду, должно быть, был у них вожаком, спросил у женщины, было ли это мясо ребенка, которое они съели. Женщина ответила «Да». Тогда сказал чудовище-великан:

– А я думаю, что ты ребенка спрятала, а нам сварила одного из воров, что висят на дереве.

И он велел троем из своих подручных пойти и принести ему с каждого вора по куску мяса, чтоб убедиться, что все они по-прежнему висят там. Услыхав это, я быстро побежал вперед и повис между двумя ворами, держась руками за веревку, с которой я снял третьего вора. Явились чудовища и вырезали у каждого из бедра по куску мяса. Они вырезали кусок и у меня, но я это перенес, не проронив ни звука. У меня и до сих пор есть на теле рубец.

Разбойник немного помолчал, а потом продолжал:

– Госпожа королева, я рассказал вам это приключение ради моего второго сына; а теперь я расскажу вам конец этой истории ради моего третьего сына.

Когда дикие чудовища убежали с кусками мяса, я спрыг-

нул вниз и перевязал себе рану куском рубахи. Но я не обращал внимания на боль и думал только о том, чтобы выполнить перед женщиной свое обещание и спасти ее вместе с ребенком. Я поспешил вернуться назад к дому, спрятался и стал прислушиваться к тому, что происходило; в это время великан проверял три принесенных ему куска мяса. Когда он попробовал тот кусок, который был вырезан у меня, а был он еще в крови, великан сказал:

– Ступайте скорей и принесите мне того вора, что висит посередине – его мясо свежее, оно мне по вкусу.

Услышав это, я поспешил назад к виселице и повис опять на веревке между двумя мертвецами. Вскоре явились чудовища, они сняли меня с виселицы, поволокли к дому и бросили меня наземь. Но только подняли они надо мной ножи, как вдруг поднялась такая буря с громом и молнией, что сами чудовища пришли в ужас. Они бросились с диким криком в окна, в двери, на крышу и оставили меня лежать одного на полу.

Прошло три часа, начало светать, и поднялось яркое солнце. Я собрался с женщиной в путь-дорогу, и мы пробирались с ней сорок дней через лесные дебри, питались только одними кореньями, ягодами и травой, которые росли в лесу. Наконец мы попали к людям, я привел женщину с ребенком к ее мужу: и легко себе представить, как велика была его радость.

На этом рассказ разбойника окончился.

– Тем, что ты спас женщину и ребенка, ты загладил злые дела, совершенные тобой, – сказала королева разбойнику, – я освобожу твоих трех сыновей.

4. Сказка о том, кто ходил страху учиться

Было у отца двое сыновей. Старший был умен и толков, все у него ладилось, а младший был дурень: ничего как следует не понимал и к ученью был неспособен; посмотрят на него люди, бывало, и скажут:

– С этим придется отцу немало еще повозиться!

Если надо было что-нибудь сделать, то старший сын с делом всегда управится; но если отец велит ему что-нибудь принести, а время позднее или совсем к ночи, а дорога идет через кладбище или мимо какого-нибудь другого мрачного места, он всегда отвечал:

– Ох, батюшка, не пойду я туда, мне страшно! – потому что был он боязлив.

Или, бывало, вечером начнут рассказывать у камелька всякие такие небылицы, что у иного мороз по коже пробирает, и скажут подчас слушатели: «Ах, как страшно!», а младший сидит себе в углу, тоже слушает, и никак ему невдомек, что это значит – страшно.

– Вот все говорят: «Мне страшно! Страшно!», а мне вот ничуть не страшно. Это, пожалуй, дело такое, в котором я тоже ничего не смыслю.

Однажды и говорит ему отец:

– Эй, послушай, ты, там в углу! Ты вон гляди какой уже большой вырос и силы набрался, надо будет тебе тоже чему-нибудь научиться, чтобы хлеб себе зарабатывать. Видишь, как брат твой старается, а ты ни к чему не гожа.

– Эх, батюшка, – ответил младший сын, – я бы охотно чему-нибудь научился; и раз уж на то пошло, то хотелось бы мне научиться, чтоб было мне страшно; в этом деле, видно, я еще ничего не смыслю.

Услышав это, старший брат посмеялся и подумал: «Боже ты мой, какой, однако, у меня брат дурень, из него никогда ничего не получится; кто хочет чем-нибудь сделаться, должен быть изворотлив».

Вздыхнул отец и говорит младшему сыну:

– Уж чему-чему, а страху ты должен научиться; но на хлеб себе этим вряд ли ты заработаешь.

А тут вскоре зашел к ним в гости пономарь. Стал ему отец на свою беду жаловаться и рассказал, что младший сын у него несмышленный – ничего не знает, ничему не учится.

– Вы только подумайте, спрашиваю я у него, чем ты хлеб себе зарабатывать хочешь, а он говорит: хотел бы я страху научиться.

– Если уж на то пошло, – ответил пономарь, – этому он мог бы у меня научиться; вы его только ко мне пришлите, а я уж его пообтешу как следует.

Отец остался этим доволен и подумал: «Вот все ж таки парня как-нибудь да пристрою».

И вот взял его пономарь жить у себя в доме, и должен был парень звонить в колокол. Спустя несколько дней разбудил его раз пономарь в полночь, велел ему встать, взобраться на колокольню и звонить в колокол.

«Уж теперь-то ты страху научишься», – подумал пономарь, а сам тайком пробрался на колокольню; и только парень взобрался наверх и успел повернуться, чтоб взяться за веревку от колокола, видит – стоит на лестнице, как раз напротив окошка, какая-то фигура в белом.

– Кто это? – крикнул он; но фигура в белом ничего не ответила и не двинулась, не шелохнулась.

– Отвечай, – закричал парень, – или убирайся прочь отсюда, здесь тебе по ночам делать нечего!

Но пономарь продолжал стоять и даже с места не сдвинулся, чтоб парень подумал, что это стоит привидение.

Крикнул парень второй раз:

– Чего тебе здесь надобно? Коли ты человек порядочный, то отвечай, а не то я сброшу тебя вниз с лестницы.

Тут пономарь подумал: «До этого дело, пожалуй, не дойдет», – он не проронил ни звука и стоял, точно вкопанный. Парень окликнул его в третий раз, но напрасно: тогда он подбежал и сбросил привидение с лестницы вниз, и покатилося оно с десяти ступенек, да так и осталось лежать в углу.

Отзвонил парень в колокол, вернулся домой и, ни слова не сказав, улегся в постель и продолжал себе спать дальше. Долго дожидалась своего мужа пономариха, а он все не воз-

вращался. Наконец стало ей страшно, она разбудила парня и спрашивает:

– Не знаешь ли ты, куда это мой муж запропал? Ведь он на колокольню взобрался раньше тебя.

– Не знаю, – ответил парень, – но я видел, что кто-то стоял на лестнице напротив слухового окошка, ничего не отвечал, уходить не хотел, я и счел его за вора и сбросил вниз. Сходите туда да поглядите, не он ли это, а то мне, право, будет жалко.

Кинулась пономариха туда и нашла своего мужа; он лежал в углу и стонал, – сломал себе ногу.

Она принесла его с колокольни и бросилась, громко причитая, к отцу парня.

– А парень-то ваш, – сказала она, – большой беды надедал, сбросил моего мужа вниз с лестницы, и тот сломал ногу. Забирайте-ка вы от нас своего шалопаю.

Испугался отец, прибежал туда и начал бранить сына:

– Что это у тебя за проделки такие, уж не сам ли черт тебе их внушил?

– Батюшка, – ответил сын, – да выслушайте меня, я-то вовсе тут не виноват. Пономарь стоял на колокольне ночью, как человек, замысливший недоброе дело; я не знал, кто это, и трижды просил его отозваться или уйти.

– Эх, сказал отец, будет мне с тобой одно только горе. Убирайся ты с моих глаз долой, я и знать тебя больше не хочу.

– Хорошо, батюшка, я охотно уйду, но вы уж погодите, по-

ка наступит день; я тогда уйду от вас и пойду страху учиться, – вот и обучусь ремеслу, что меня прокормить сможет.

– Учись себе чему хочешь, – сказал отец, – мне все равно. На тебе пятьдесят талеров, ступай с ними куда хочешь, да только не смей говорить никому, откуда ты родом и кто твой отец, а то мне за тебя стыдно будет.

– Ладно, батюшка, как вам будет угодно; а если вы от меня большего не требуете, то я выполню все как следует.

Только стало светать, сунул юноша в карман свои пятьдесят талеров и вышел на большую дорогу; шел он и все твердил про себя одно и то же: «Вот если б стало мне страшно! Вот если б стало мне страшно!»

Услыхал эти слова какой-то прохожий и подошел к нему. Прошли они некоторое время вместе и увидели виселицу, и говорит ему тот прохожий:

– Видишь, вон стоит дерево, а на нем семеро с дочкой заплечных дел мастера свадьбу справили и теперь летать обучаются. Садись-ка ты под этим деревом, и как дождешься ночи, то и страху научишься.

– Ежели это все, – ответил парень, – то дело это нетрудное; раз я так скоро научусь страху, то ты получишь от меня за это пятьдесят талеров; только приходи ко мне утром пораньше.

Подошел парень к виселице, уселся под нею и стал сумерек дожидаться. Стало ему холодно, и он развел костер; но к полуночи поднялся такой холодный ветер, что, несмотря на костер, он никак не мог согреться. И начал ветер рас-

качивать повешенных, и они толкали один другого то туда, то сюда, и он подумал: «Я вот зябну внизу у костра, а како-во же им там наверху мерзнуть да друг об дружку стукаться». А так как был он жалостлив, то приставил лесенку, взобрался на виселицу, отвязал всех одного за другим и стащил всех семерых вниз. Потом он раздул огонь, разгорелось пламя сильнее, и он усадил всех вокруг костра греться. Сидели они не двигаясь, и вдруг загорелась на них одежда. Тогда он говорит:

– Вы будьте с огнем поосторожней, а не то я вас вздерну опять на виселицу.

Но мертвецы ничего не слышали, они молчали и не обратили вниманья на то, что их лохмотья горят. Тут рассердился он и говорит:

– Ежели вы не будете осторожны, то я выручать вас не стану, а сгореть вместе с вами у меня нет никакой охоты, – и повесил их всех одного за другим опять. Потом он подсел к костру и уснул. Является на другое утро к нему тот прохожий получить с него пятьдесят талеров и говорит:

– Ну, теперь ты узнал, что такое страх?

– Нет, – ответил парень, – да откуда же мне было его узнать-то? Ведь те, что там наверху, и рта не раскрыли и такими дураками оказались, что сожгли все свои старые лохмотья.

Понял тогда прохожий, что пятидесяти талеров ему с него не получить, и сказал, уходя:

– Такого я еще ни разу на свете не видывал.

И отправился парень дальше своей дорогой и принялся снова про себя бормотать:

– Ах, если бы стало мне страшно! Ах, если бы стало мне страшно!

Услыхал это один извозчик, который шел сзади него, и спрашивает:

– Кто ты такой?

– Не знаю, – ответил парень.

Начал извозчик его расспрашивать:

– А ты откуда?

– Не знаю.

– А кто твой отец?

– Этого мне говорить не велено.

– А что ж ты это все про себя бормочешь?

– Э-э, – ответил парень, – да я хотел, чтоб мне стало страшно, да никто не может меня этому научить.

– Не болтай глупостей, – сказал извозчик, – только ступай со мной, и уж я тебе докажу, что я это сделаю.

Отправился парень вместе с извозчиком. Подошли они под вечер к харчевне и решили в ней заночевать. Входит парень в комнату и говорит опять:

– Вот если б стало мне страшно! Если б стало мне страшно!

Услыхал то хозяин харчевни, засмеялся и сказал:

– Если тебе этого так хочется, то случай для этого здесь,

пожалуй, подвернется.

– Ах, помолчал бы ты лучше, – сказала хозяйка, – не один уже смельчак жизнью своей поплатился, и жаль мне красивых глаз, если они больше света не увидят.

Но парень ответил:

– Ежели это и вправду так трудно, то мне бы хотелось этому научиться, ведь ради этого я и отправился странствовать.

И он не давал хозяину покоя до тех пор, пока тот наконец не рассказал ему, что неподалеку находится заколдованный замок, где страху научиться уж наверняка можно, если парень только согласится провести там три ночи подряд.

И обещал король тому, кто на это дело отважится, отдать дочь свою в жены; а королевна – самая красивая девушка, какая только есть на свете; и запрятаны в замке большие сокровища, которые стерегут злые духи; и если эти сокровища расколдовать, то сделают они бедняка богатым. И будто много людей побывало в этом замке, но никто из них до сих пор назад не вернулся.

Пришел парень на другое утро к королю и говорит:

– Если будет дозволено, то хотелось бы мне очень провести три ночи в заколдованном замке.

Посмотрел на него король, и так как парень ему понравился, то сказал он:

– Вдобавок ты можешь попросить у меня еще три вещи, но это должны быть предметы неодушевленные; ты их можешь взять с собой в замок.

Парень ответил:

– В таком случае я прошу дать мне огня, столярный станок и токарный вместе с резцом.

Король велел отнести все это днем для него в замок. С наступлением ночи поднялся парень туда, развел в комнате огонь, поставил рядом с собой столярный станок, а сам на токарный уселся.

– Ах, если б стало мне страшно! – сказал он. – Но, пожалуйста, я и здесь страху не научусь.

Собрался он в полночь разворошить огонь, стал его раздувать, и вдруг в углу что-то закричало: «Мяу-мяу! Как нам холодно!»

– Эй, вы, дураки, – крикнул парень, – чего кричите? Ежели вам холодно, то ступайте сюда, подсаживайтесь к огню и грейтесь.

И только он это сказал, как прыгнули к нему две громадные черные кошки, уселись рядом с ним по бокам и дико на него поглядели своими огненными глазами. Только они согрелись, и говорят:

– Приятель, а давай-ка в карты сыграем.

– Отчего ж не сыграть, – ответил парень, – но покажите-ка сперва мне ваши лапы.

И выпустили кошки свои когти.

– Э-э, – сказал он, – да какие у вас, однако, длинные когти! Пойдите-ка, их надо будет сначала маленько пообстричь.

И он схватил кошек за шиворот, поднял их на столярный

станок и крепко прикрутил им лапы.

– Я вас узнал по когтям, – сказал он, – и в карты играть у меня охота пропала.

Он убил их и выбросил за окошко в воду. Только угомонил он этих двух и хотел было подсесть опять к своему камельку, как вдруг появились из всех углов и закоулков черные кошки и черные псы на раскаленных цепях; их становилось все больше и больше, и ему некуда было от них податься; они страшно кричали, наступали на огонь, разбросали его и хотели было его потушить.

Некоторое время он смотрел на это спокойно, но наконец это его разозлило, он схватил свой резец и крикнул: «Прочь отсюда, сволочь!» – и кинулся на них. Часть из них успела отскочить в сторону, а других он убил и выбросил в пруд. Потом он вернулся назад, раздул опять из искры огонек, и глаза стали у него смежаться: захотелось ему поспать. Оглянулся он – видит в углу большую кровать.

– Это как раз мне к стати, – сказал он и улегся в нее. Но только хотел он закрыть глаза, как начала кровать сама двигаться и покатилась по всему замку.

– Оно, пожалуй, ничего, – сказал он, – но лучше бы она остановилась.

Но кровать продолжала катиться, будто в нее запрягли шестерик лошадей, – через пороги и лестницы, то вниз, то вверх; и вдруг – гуп-гуп! – опрокинулась кровать вверх ножками, и словно какая гора на него навалилась. Но парень

посбрасывал с себя одеяла и подушки, выбрался и сказал:

– Ну, пусть себе катается тот, у кого есть на это охота, – лег у своего очага и проспал до самого утра.

Наутро явился король и, увидев, что парень лежит на земле, подумал, что его погубили привидения и что он уже мертвый. И сказал король:

– А жалко мне парня-красавца.

Услыхал это парень, поднялся и говорит:

– Нет, до этого еще далеко!

Удивился король, обрадовался и спросил, что здесь с ним было.

– Все было хорошо, – ответил юноша, – одна ночь прошла, пройдут и две остальные.

Пришел парень к хозяину харчевни, а тот так и вытаращил глаза от изумления.

– Не думал я никак, – сказал он, – увидеть тебя в живых. Ну что, научился страху?

– Нет, – ответил тот, – все было попусту. Ах, если бы кто рассказал мне, что это такое!

На вторую ночь отправился парень опять в старый замок, подсел к камельку и завел снова свою старую песенку: «Если б стало мне страшно!» Наступила полночь, слышались шумы и стуки, сперва тихие, потом посильнее, потом опять стало тихо; и показалась наконец из трубы с громким воплем половина человека и рухнула прямо перед ним.

– Гей, – крикнул парень, – а где же другая половина? Этого

мало!

Снова поднялся шум, все загрохотало, загремело, завывало, и вот выпала из трубы и другая половина.

– Постой, – сказал парень, – я сперва раздую для тебя огонек.

Раздул, оглянулся, видит – сомкнулись обе половины, и страшный человек уселся на его место.

– Такого уговору у нас не было, – сказал парень, – скамейка моя.

Хотел было человек его столкнуть, но парень не поддался, толкнул его со всей силы и уселся опять на свое место.

И выпало затем из трубы один за другим много еще таких же людей. Они притащили кости мертвецов и два черепа, расставили их и начали играть в кегли.

Захотелось и парню сыграть тоже, вот он и спрашивает:

– Послушайте-ка, вы, нельзя ли и мне с вами сыграть?

– Пожалуй, если деньги у тебя водятся.

– Денег достаточно, – сказал парень, – да кегли-то у вас недостаточно круглые.

Взял он черепа, поставил их на токарный станок, пообточил, и стали они покруглей.

– Так-то будут они лучше кататься, – сказал он. – Эге, теперь дело пойдет веселей!

Сыграл он с ними и проиграл немного денег. Но вот пробило двенадцать часов, и вмиг все перед ним исчезло. Он улегся и спокойно уснул.

Приходит на другое утро король узнать, как там было дело.

– Ну, каково пришлось тебе на сей раз? – спросил он.

– Да я в кегли играл, – ответил парень, – и несколько геллеров проиграл.

– А разве тебе не было страшно?

– Да что вы, – сказал парень, – весело было. Эх, узнать бы мне только, что такое страх!

На третью ночь уселся парень опять на станок и с такой досадой говорит:

– Эх-х, если бы стало мне страшно!

А время уже подошло к ночи, и вот явилось шестеро громадных людей, они принесли погребальные носилки.

А парень и говорит:

– Ага, это, должно быть, мой двоюродный братец, что несколько дней тому назад умер, – и он поманил его пальцем и кликнул:

– Ступай сюда, братец, ступай!

Они опустили гроб на землю, парень подошел к нему и снял крышку: и лежал в нем мертвец. Пощупал парень ему лицо, и было оно как лед холодное.

– погоди, – сказал он, – я тебя маленько обогрею, – подошел к очагу, согрел руку и положил ее мертвецу на лицо, но тот остался холодным. Тогда вытащил парень мертвеца из гроба, подсел к камельку, положил мертвеца к себе на колени и начал растирать ему руки, чтоб кровь разошлась

по жилам. Но когда и это не помогло, то парню пришло в голову: «Если лечь с ним в постель вместе, то можно будет лучше его согреть», – и он перенес мертвеца на постель, укрыл его и улегся с ним рядом. Тут вскоре мертвец согрелся и зашевелился. А парень и говорит:

– Вот видишь, братец, я тебя и отогрел!

Тут поднялся мертвец и крикнул:

– А теперь я тебя задушю!

– Что? – сказал парень. – Так-то ты меня хочешь отблагодарить? Раз так, то возвращайся опять к себе в гроб, – и он поднял мертвеца, бросил его в гроб и прикрыл крышкой; потом явилось шестеро человек и его унесли.

– Все никак не становится мне страшно, – сказал парень, – этак, пожалуй, я за всю свою жизнь страху не научусь!

Тогда выступил вперед один из людей, он был ростом повыше остальных и на вид такой страшный; но был он стар, и была у него длинная седая борода.

– Ах ты мальчишка! – крикнул он. – Ты скоро узнаешь, что такое страх, ты должен умереть.

– Не так-то уж скоро, – ответил парень, – ведь я-то должен сам при этом присутствовать.

– Нет, уж тебя я схвачу, – пригрозило страшилище.

– Потихе, потихе, нечего руки протягивать! Если ты силен, то и я не слабей тебя, а может, и посильней буду.

– Это мы посмотрим, – сказал старик, – если ты посильнее меня, то я тебя отпущу; подходи, давай-ка померяемся!

И он повел его по темным переходам в кузницу, взял топор и одним махом вогнал наковальню в землю.

– Я сумею еще почище, – сказал парень, – и подошел к другой наковальне.

Старик, желая посмотреть, стал рядом, и белая его борода опустилась до самой земли. Тут схватил парень топор, расколол наковальню надвое и зажег заодно бороду старика.

– Вот ты и попался, – сказал парень, – теперь твой черед помирать. – Он схватил железный лом и кинулся с ним на старика. Начал старик стонать и просить над ним сжалиться и пообещал парню большие богатства. Вытащил тогда парень топор и отпустил старика.

Повел его старик опять в замок и показал ему в подземелье три сундука, полных золотом.

– Одна часть золота, – сказал он, – беднякам, другая – королю, а третья часть – тебе.

Между тем пробило двенадцать часов, и дух исчез, и парень остался один в потемках.

– Однако выбраться отсюда я, пожалуй, сумею, – сказал он и стал пробираться ощупью; нашел дорогу в комнату и уснул у своего очага.

Приходит утром король и спрашивает:

– Ну что, теперь-то ты страху научился?

– Нет, – ответил юноша, – да и что тут было? Побывал здесь мой покойный двоюродный братец, и приходил какой-то бородач, много денег мне указал в подземелье, но что

такое страх, так мне до сих пор никто и не сказал.

И сказал король:

– Ты замок этот расколдовал и можешь теперь на моей дочери жениться.

– Это очень хорошо, – ответил парень, – но что такое страх, я так до сих пор и не знаю.

Вот принесли наверх из подземелья золото и отпраздновали свадьбу, но молодой король, как ни любил свою жену и как ни был ею доволен, все же всегда повторял:

– Если бы стало мне страшно, если бы стало мне страшно!

Наконец ей это надоело. И говорит раз служанка королеве:

– В этом деле я помогу, уж он страху научится.

Пошла она к ручью, что протекал в саду, и набрала полный ушат пескарей. Ночью, только молодой король уснул, стащила жена с него одеяло и вылила на него полный ушат холодной воды с пескарями, и начали маленькие рыбки прыгать и барахтаться по телу молодого короля, тут он проснулся да как закричит:

– Ой, милая жена, как мне страшно, как страшно! Да, теперь я уж знаю, что такое страх!

5. Волк и семеро козлят

Жила-была старая коза. Было у ней семеро козлят, и она их так любила, как может любить своих детей только мать. Раз собралась она идти в лес, корму принести; вот созвала она всех своих семерых деток и говорит:

– Милые детки, хочу я в лес пойти, а вы смотрите волка берегитесь. Если придет он сюда, то всех вас поест, заодно со шкурой и шерстью. Этот злодей часто прикидывается, но вы его сразу узнаете по толстому голосу и по черным лапам.

Ответили козлятки:

– Милая матушка, уж мы постережемся, вы ступайте себе, не беспокойтесь.

Заблеяла старая коза и преспокойно отправилась в путь-дорогу.

Прошло немного времени, вдруг кто-то стучится в дверь и кричит:

– Детки милые, отомкните, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла!

Но козляточки по толстому голосу услышали, что это волк.

– Не откроемся, – закричали они, – ты не матушка наша; у той голос добрый и тонкий, а твой голос толстый: ты – волк.

Пошел тогда волк к купцу и купил себе мела большой кусок, съел его, и стал у него голос тонкий. Вернулся назад,

постучался в дверь и говорит:

– Детки, милые, отомкните, ваша мать пришла, вам гостинцев принесла.

Положил волк свою черную лапу на окошко, увидели ее козлятки и закричали:

– Не откроемся, у матушки нашей не черные лапы: ты – волк!

Побежал тогда волк к хлебопеку и говорит:

– Я зашиб себе ногу, помажь мне ее тестом.

Помазал ему хлебопек лапу тестом, побежал волк к мельнику и говорит:

– Присыпь мне лапу белой мукой.

Мельник подумал: «Волк, видно, хочет кого-то обмануть», и не согласился. А волк говорит:

– Если ты этого не сделаешь, я тебя съем.

Испугался мельник и побелил ему лапу. Вот какие бывают люди на свете!

Подошел злодей в третий раз к двери, постучался и говорит:

– Детки милые, отомкните, ваша мать пришла, вам из лесу гостинцы принесла!

Закричали козляточки:

– А ты покажи нам сначала свою лапу, чтобы мы знали, что ты наша матушка.

Положил волк свою лапу на окошко, увидели они, что она белая, и подумали, что он правду говорит, – и отворили ему

дверь. А тот, кто вошел, был волк.

Испугались они и решили спрятаться. Прыгнул один козленочек под стол, другой – на кровать, третий – на печку, четвертый – в кухню, пятый – в шкаф, шестой – под умывальник, а седьмой – в футляр от настенных часов. Но всех их нашел волк и не стал долго разбираться: разинул пасть и проглотил их одного за другим; одного только он не нашел, того младшего, что спрятался в часах.

Наевшись досыта, волк ушел, растянулся на зеленом лужку под деревом и заснул.

Приходит вскоре старая коза из лесу домой. Ах, что ж она там увидела!.. Дверь настежь раскрыта. Стол, стулья, скамьи опрокинуты, умывальник разбит, подушки и одеяла с постели сброшены. Стала она искать своих деток, но найти их нигде не могла. Стала она их кликать по именам, но никто не отзывался. Наконец подошла она к младшему, и раздался в ответ тоненький голосок:

– Милая матушка, я в часах спрятался!

Вынула она его оттуда, и он рассказал, что приходил волк и всех поел. Можете себе представить, как оплакивала коза своих бедных деточек!

Наконец вышла она в великом горе из дому, а младший козленочек побежал за ней следом. Пришла она на лужок, видит – лежит у дерева волк и храпит так, что аж ветки дрожат. Оглядела она его со всех сторон и увидела, что в раздувшемся брюхе у него что-то шевелится и барахтается.

«Ах, Боже ты мой, – подумала она, – неужто мои бедные деточки, которых поел он на ужин, еще живы-живехоньки?» И велела она козленку бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Вот вспорола она чудищу брюхо, но только сделала надрез, а тут и высунул козленочек свою голову. Стала вспарывать брюхо дальше, – тут и повыскочили один за одним все шестеро, живы-живехоньки, и ничего с ними плохого не случилось, потому что чудище от жадности заглатывало их целиком. Вот уж радость-то была! Стали они ласкаться да голубиться к милой своей матушке, скакать и прыгать, словно портной на свадьбе. Но старая коза сказала:

– Ступайте скорей и найдите камней-голышей, мы набьем ими брюхо проклятому зверю, пока он еще сонный.

Наташили тут семеро козлят много-много камней и засунули их волку в брюхо столько, сколько влезло. Зашила старая коза ему наскоро брюхо, а тот ничего не заметил, даже ни разу не двинулся.

Выспался наконец волк, поднялся на ноги и почувствовал от камней в брюхе такую жажду, что пошел к колодцу воды напиться. Только он двинулся, а камни в брюхе один о другой стучат да постукивают. И крикнул волк:

Что урчит и стучит,
В моем брюхе бурчит?
Думал я – шесть козлят,
А то камни гремят.

Подошел к колодцу, наклонился к воде, хотел напиться, и потянули его тяжелые камни вниз, так он там и утонул. Увидали это семеро козлят, прибежали к матери и давай кричать:

– Волк мертвый! Волк уже мертвый! – и стали на радостях плясать вместе со своей матушкой вокруг колодца.

6. Верный Иоганнес

Жил-был некогда старый король; заболел он однажды и подумал: «Видно, мне с постели уже не подняться, будет она мне смертным ложем». И сказал:

– Позовите ко мне верного Иоганнеса.

Верный Иоганнес был его любимым слугой; звали его так потому, что всю свою жизнь он был ему верен. Подошел он к постели, а король ему и говорит:

– Мой верный Иоганнес, я чувствую, что близок мой конец, и одна у меня забота – о сыне моем: он еще слишком молод и не всегда сможет решить, как надо ему поступить; если ты мне не пообещаешь его во всем наставлять, что ему должно делать, и быть ему вместо отца родного, я не смогу умереть спокойно.

И ответил верный Иоганнес:

– Я никогда его не оставлю и буду служить ему верно, даже если бы это стоило мне жизни.

И сказал старый король:

– Тогда я умру спокойно. – И продолжал: – После моей смерти ты должен показать ему весь замок, все комнаты, залы и подземелья, и все сокровища, что находятся в нем; но последней комнаты в длинном коридоре ты ему не показывай: там спрятан портрет королевы с Золотой Крыши. Если мой сын увидит этот портрет, он загорится к ней страст-

ной любовью и упадет без чувств, и ему будет тогда грозить большая опасность; ты должен его от этого уберечь.

И верный Иоганнес пообещал еще раз старому королю все исполнить, и король успокоился, опустил голову на подушку и умер.

Когда старого короля схоронили, рассказал верный Иоганнес молодому королевичу, что обещал он отцу на его смертном ложе, и говорит:

– Слово свое я исполню в точности, буду тебе верен, как был я верен и твоему отцу, хотя бы это и стоило мне жизни.

Прошло время поминок, и говорит королевичу верный Иоганнес:

– Подошел срок посмотреть тебе на свое наследство, я хочу показать тебе отцовский замок.

И он водил его повсюду, и наверху и внизу, показал ему все сокровища и роскошные покои, но только не открыл одной комнаты, где находился опасный портрет. А был он поставлен так, что если открыть дверь, то прямо его и увидишь; и был он написан так прекрасно, что казался живым, и не было на свете ничего прекрасней его и милей. Молодой король заметил, что верный Иоганнес всегда проходил мимо одной двери, и сказал:

– Почему ты ни разу не откроешь ее?

– Там находится нечто такое, – ответил верный Иоганнес, – чего ты испугаешься.

Но молодой король ответил:

– Я осмотрел весь замок и хочу также узнать, что находится в этой комнате, – он подошел и хотел было открыть ее силой. Но верный Иоганнес его удержал и сказал:

– Я обещал твоему отцу перед его смертью, что ты никогда не увидишь, что находится в этой комнате: это может кончиться и для тебя и для меня большим несчастьем.

– Ах, нет, – ответил юный король, – если я туда не войду, будет мне верная гибель: я не буду иметь ни дня, ни часа покоя, пока не увижу комнату своими глазами. Я не сойду с места, пока ты ее не откроешь!

Понял верный Иоганнес, что тут ничего не поделаешь, и с тяжелым сердцем, вздыхая, нашел он в большой связке ключ. Открыл дверь и вошел туда первый, – он думал, что король за его спиной портрета не увидит; но это не помогло, – король приподнялся на носки и глянул на портрет через плечи Иоганнеса.

И только он увидел изображение девушки, что была вся такая прекрасная, блистала золотом и драгоценными камнями, как тотчас упал без чувств на пол. Поднял его верный Иоганнес, отнес в постель и в тревоге подумал: «Свершилось несчастье. Боже мой, что теперь будет?» Он дал молодому королю подкрепиться вином, и тот опять пришел в себя. Первое слово, какое он произнес, было:

– Ах, кто это изображен на этом чудесном портрете?

– Это королева с Золотой Крыши, – ответил верный

Иоганнес.

И сказал король:

– Моя любовь к ней так велика, что если бы все листья на деревьях имели язык, то и они не могли бы ее полностью выразить. Я готов отдать свою жизнь, чтоб добиться ее любви. Ты ведь, Иоганнес, мне самый преданный из всех, и ты должен мне в этом помочь.

Долго думал верный Иоганнес, как тут быть, ибо даже предстать перед лицом королевы было трудно. Наконец он придумал выход и сказал королю:

– Все, что находится вокруг королевы, сделано из чистого золота – стулья, столы, посуда, кубки, миски и вся домашняя утварь. У тебя в кладовых лежит пять тонн золота; вели золотых дел мастерам сделать из одной тонны разные сосуды, различных птиц, диких и волшебных зверей, – это ей понравится, и тогда мы поедем с подарками и попытаем счастья.

Король велел созвать всех золотых дел мастеров, и пришлось им работать день и ночь, пока наконец не были готовы самые прекрасные изделия. Все это было погружено на корабль; и вот верный Иоганнес нарядился в купеческую одежду, то же самое сделал и король, чтобы никто не мог их узнать. Вскоре отправились они за море и плыли долго-долго, пока не прибыли наконец в город, где жила королева с Золотой Крыши.

Верный Иоганнес велел королю остаться на корабле и там

его дожидаться.

– Может быть, я приведу с собой королеву, а вы позаботьтесь, чтобы все было в порядке, велите расставить золотые сосуды и разукрасить корабль.

Он положил в свой передник разные золотые изделия, вышел на берег и отправился прямо к королеве в замок. Когда он пришел на королевский двор, как раз в то время стояла у колодца красивая девушка, она держала в руках два золотых ведра и набирала в них воду. Она собралась уже нести студеную воду домой, но вдруг обернулась, увидела незнакомца и спросила его, кто он такой. Он ответил:

– Я купец, – и развязал свой передник и предложил ей посмотреть, что там находится.

– Ай, какие прекрасные золотые вещи! – воскликнула она и поставила ведра наземь и принялась разглядывать одну вещь за другой. А потом сказала:

– Их бы надо посмотреть королеве, она так любит золотые вещи и, наверно, купит у вас все.

Она взяла его за руку и повела наверх в замок, – она была королевской служанкой. Увидела королева золотые товары, они ей очень понравились, и она сказала:

– Они сделаны так прекрасно, что я покупаю у тебя все.

Но верный Иоганнес сказал:

– Да я только слуга богатого купца, и то, что находится со мной, ничто по сравнению с тем, что имеется на корабле у моего хозяина; там – самое искуснейшее и самое драгоцен-

ное, что было когда-либо сделано из золота.

Королевне захотелось, чтобы все это было принесено к ней в замок, но он сказал:

– Для этого потребовалось бы много дней, ведь там золотых вещей несметное число, и для того чтобы их разместить, надо такое количество зал, что и всего вашего замка не хватит.

И вот любопытство и страсть у королевны так возросли, что она наконец сказала:

– Веди меня к кораблю, я готова туда пойти и сама посмотреть сокровища твоего хозяина.

Верный Иоганнес привел ее к кораблю и был этому очень рад, а король, глянув на нее, понял, что она куда прекрасней, чем ее портрет, и почувствовал, что сердце у него разрывается в груди.

Вот вошла королевна на корабль, и король повел ее в трюм; а верный Иоганнес остался возле рулевого и велел оттолкнуть корабль от берега.

– Подымайте все паруса, пускай он летит, как птица!

А король начал показывать ей золотую утварь – блюда, кубки, сосуды, диковинных птиц и разных зверей чудесных. Прошло много часов, пока королевна все это осмотрела, и на радостях она не заметила, что корабль плыл все вперед и вперед. Посмотрела она последнюю вещь, поблагодарила купца и хотела уходить домой; но вот подошла она к борту и увидела, что корабль находится далеко от берега в откры-

том море и мчится на всех парусах.

– Ах! – воскликнула она в испуге. – Меня обманули, меня увезли, я попала в руки какому-то купцу. Мне лучше теперь умереть!

Но король схватил ее за руку и сказал:

– Я не купец, а король, и родом не ниже тебя; а похитил тебя хитростью из-за страстной любви к тебе. Когда я увидел впервые твой портрет, я упал наземь без чувств.

Услыхала это королева с Золотой Крыши и успокоилась; он покорила ее сердце, и она охотно согласилась стать его женой.

Но когда они плыли в открытом море, верный Иоганнес сидел на носу корабля и играл на лютне, и вдруг он заметил в воздухе трех воронов, которые слетелись на звуки. Он перестал играть и стал вслушиваться, о чем говорят между собой вороны, ибо он прекрасно понимал их язык. И молвил один из воронов:

– Э, да это он везет к себе домой королеву с Золотой Крыши.

– Да, – ответил второй ворон, – но она ему еще не принадлежит.

А третий ворон сказал:

– А все-таки она его, ведь она находится у него на корабле.

И снова заговорил первый ворон и крикнул:

– Ну, да какой с того толк? Когда они высадятся на берег, к нему бросится навстречу рыжая лошадь; ему захочет-

ся на нее вскочить, и только он это сделает, как лошадь вмиг умчится вместе с ним по воздуху, и никогда уже больше не видать королю своей невесты.

И сказал второй ворон:

– А разве никакого спасения нету?

– О, спасение есть! Если кто-нибудь другой вскочит быстро на эту лошадь и выхватит огнестрельное оружие, которое спрятано в недоуздке, и ее убьет, то молодой король будет спасен. Но кто ж знает об этом! А кто и знает, но скажет о том королю, тот от колен до самых пят окаменеет.

Тогда молвил второй ворон:

– А я знаю еще больше. Если лошадь и будет убита, то невесты своей молодой король все-таки не получит: когда они войдут вместе в замок, то будет лежать на блюде свадебная рубашка, и покажется, будто она соткана из золота и серебра, а на самом-то деле сделана она из смолы и серы; и только молодой король ее наденет, он весь сгорит в ней дотла.

И спросил третий ворон:

– А разве нет никакого спасения?

– О, спасение есть! – ответил второй ворон. – Если кто-нибудь схватит эту рубашку перчаткой и бросит ее в огонь и рубашка сгорит, то молодой король будет спасен. Но что толку с того? Кто знает об этом и скажет ему, тот окаменеет от колен до самого сердца.

И молвил третий ворон:

– А я знаю еще больше. Если даже свадебная рубашка и сгорит, то молодой король невесты все-таки не получит: когда после свадьбы начнутся танцы и молодая королева будет танцевать, она вдруг побледнеет и упадет, словно мертвая, наземь; и если кто-нибудь ее не подымет и не высосет у нее из правой груди три капли крови и не выплюнет их, то королева умрет. Но если кто об этом и знает, а расскажет другому, тот окаменеет от головы до самых пят.

Поговорили об этом вороны и полетели дальше. А верный Иоганнес все хорошо запомнил и стал с той поры тихий и грустный. Если не сказать своему господину о том, что он слышал, то с ним случится несчастье, а рассказать ему, то придется самому жизнью поплатиться. Наконец молвил он про себя: «Я спасу моего господина, даже если из-за этого мне пришлось бы погибнуть».

Вот подплыли они к берегу, и случилось то, что предсказал ворон, – к ним подскочила красивая рыжая лошадь.

– Вот и хорошо, – сказал король, – она и домчит меня в замок, – и хотел было на нее сесть. Но верный Иоганнес вышел вперед, быстро вскочил на лошадь, выхватил у нее из недоуздка оружие и пристрелил ее. Закричали тогда королевские слуги, не любившие верного Иоганнеса.

– Стыдно убивать такую прекрасную лошадь, ведь она могла бы отвезти короля в замок!

Но король сказал:

– Замолчите, не трогайте его, это мой самый верный

Иоганнес; и кто знает – может быть это к добру!

Вот вошли они в замок, и стояло в зале блюдо, лежала на нем готовая свадебная рубашка, и казалось, что была она выткана вся из чистого золота и серебра. Подошел молодой король, хотел ее взять, но верный Иоганнес его оттолкнул, схватил перчаткой рубашку и быстро бросил ее в огонь, и она сгорела.

Начали слуги опять роптать и сказали:

– Смотрите, а теперь он сжигает даже свадебную рубашку короля.

Но молодой король сказал:

– Кто знает, быть может, это к добру. Не трогайте его, это мой верный Иоганнес.

Вот стали праздновать свадьбу; начались танцы, и невеста тоже пошла танцевать; и верный Иоганнес внимательно следил за ее лицом. Вдруг она побледнела и, словно мертвая, упала на пол. Он мигом подскочил к ней и отнес ее в другую комнату; там уложил он ее, стал на колени и высосал у нее три капли крови из правой груди, а кровь выплюнул. И она сразу стала дышать и очнулась.

Молодой король все это видел, но не мог понять, почему верный Иоганнес это сделал; он разгневался и крикнул:

– Бросьте его в темницу!

На другое утро верного Иоганнеса осудили и повели на виселицу, и когда он стоял уже на помосте и его должны были повесить, он сказал:

– Каждый осужденный имеет право перед своей смертью сказать последнее слово: могу ли и я это сделать?

– Да, – ответил король, – это тебе дозволяется.

И сказал тогда верный Иоганнес:

– Я приговорен несправедливо, я был всегда тебе верен, – и он рассказал о том, как слышал на море разговор воронов, и что все это он сделал для того, чтобы спасти своего господина.

И воскликнул тогда король:

– О мой верный Иоганнес, я милую тебя! Сведите его с помоста.

Но только вымолвил верный Иоганнес последнее слово, как упал мертвый наземь и окаменел.

И было от этого у короля и королевы великое горе, и сказал король:

– Ах, как плохо я отблагодарил за такую великую верность! – и он велел поднять окаменевшее тело Иоганнеса и поставить его у своей постели в опочивальне. Посмотрит, бывало, на него король, заплачет и скажет:

– Ах, если бы мог я оживить тебя снова, мой верный Иоганнес!

Прошло некоторое время, и родила королева близнецов, двух сыночков; они росли и были ей в радость. Однажды, когда королева была в церкви, а дети оставались с отцом и играли, посмотрел король с грустью на каменное изваяние, вздохнул и воскликнул:

– Ах, если бы мог я оживить тебя, мой самый верный Иоганнес!

И камень вдруг заговорил и сказал:

– Да, ты можешь меня оживить, если согласишься отдать для этого самое дорогое для тебя на свете.

И воскликнул король:

– Все, что есть у меня на свете, я готов отдать ради тебя!

И камень промолвил:

– Если ты отрубишь своею собственной рукой головы своим детям и помажешь меня их кровью, то я оживу.

Испугался король, услышав, что он должен убить своих любимых детей, но вспомнил про великую верность и что верный Иоганнес погиб ради него, – он схватил меч и отрубил своею собственной рукой головы своим детям. Потом он помазал их кровью камень, и вдруг камню вернулась жизнь, и верный Иоганнес стоял перед ним снова живой и невредимый.

И он сказал королю:

– Твоя верность будет вознаграждена, – и он взял головы детей, приставил их к туловищу, смазал их раны своей кровью, и вмиг они ожили снова, стали прыгать и играть, будто с ними ничего не случилось.

Сильно обрадовался король, и, увидев, что королева вернулась, он спрятал верного Иоганнеса и обоих детей в большой шкаф. Только королева вошла, король ей и говорит:

– Ты молилась в церкви?

– Да, – ответила она, – но я все думала о верном Иоганнесе, что из-за нас с ним случилось такое несчастье.

И сказал ей король:

– Милая жена, мы можем вернуть ему жизнь, но для этого мы должны расстаться с нашими обоими сыновьями, которых надо принести в жертву ради него.

Побледнела королева, дрогнуло у нее сердце, но она сказала:

– Мы ему обязаны за его большую верность.

Обрадовался король, что она думает с ним заодно, он подошел, открыл шкаф, и вывел оттуда детей и верного Иоганнеса, и сказал:

– Слава Богу, он уже спасен, и наши сыночки тоже опять с нами. – И рассказал ей, как все это случилось. И жили они с той поры счастливо все вместе до самой смерти.

7. Удачная торговля

Погнал раз крестьянин на рынок свою корову и продал ее за семь талеров. На обратном пути пришлось ему проходить мимо пруда, вдруг слышит – издали кричат лягушки:

Ква, ква, ква, ква!

– Да, – сказал он про себя, – этак они прокричат до самого овсяного поля. Нет, я выручил семь, а не два.

Подошел он к пруду и крикнул им:

– Эй, глупые твари! Вы что, разве считать не умеете? Семь талеров, а не два.

Но лягушки остались при своем:

Ква, ква, ква, ква!

– Ну, ежели вы мне не верите, я могу вам сосчитать, – он достал из кармана деньги и отсчитал семь талеров, по двадцать четыре гроша в каждом. Но лягушки не обратили внимания на его счет и закричали опять:

Ква, ква, ква, ква!

– Эх, – крикнул совсем раздосадованный крестьянин, – вы что, лучше меня знаете? Ну, так сами считайте, – и кинул им все деньги в воду.

Стал он на берегу и ждет, пока они кончат считать и вернут ему галеры назад; но лягушки настаивали на своем и все

продолжали кричать:

Ква, ква, ква, ква! —

а деньги назад не возвращали.

Прождал он долго, пока не наступил вечер, и ему надо было домой возвращаться, он выбранил лягушек и крикнул:

— Эй, вы, квакушки, большеголовые да пучеглазые! Ротыща-то у вас большие, вы так кричите, что вас послушать — уши заболят, а семи талеров сосчитать все-таки не сумели. Вы думаете, я буду стоять и дожидаться, пока вы окончите? — И он ушел, а лягушки продолжали кричать ему вслед:

Ква, ква, ква, ква!

И он вернулся домой совсем раздосадованный.

А вскоре он приторговал себе другую корову, зарезал ее и рассчитал, что ежели мясо продаст удачно, то выручит столько, сколько стоили бы две коровы вместе, да получит еще и шкуру впридачу. Вот пришел он с мясом в город, а к городским воротам сбежалась целая свора собак, и была впереди всех большая борзая. Она подбежала к нему, понюхала и залаяла:

Гав, гав, гав, гав!

Вот лает она и лает, а крестьянин ей и говорит:

— Да, я понимаю, что ты говоришь: «дай, мол, дай!» Ты просишь небось кусок мяса, а мне что тогда останется, ежели

я тебе отдам?

А собака все ему в ответ:

Гав, гав!

– Ты сама всего небось не съешь, а для своих товарищей просишь?

Гав, гав! –

отвечает собака.

– Ну, ежели ты на этом настаиваешь, то я тебе мясо оставлю: я знаю тебя хорошо, мне известно, у кого ты служишь. Так вот что скажу я тебе: через три дня я должен получить свои деньги, а не то плохо тебе придется. Ты можешь принести их мне домой.

И он свалил мясо на землю и воротился домой. А собаки принялись за мясо и громко залаяли:

Гав, гав!

Услыхал это издали крестьянин и подумал: «Они все теперь просят „дай“, но платить мне будет за всех большая собака».

Прошло три дня, и подумал крестьянин: «Нынче вечером деньги будут у меня в кармане», и остался этим очень доволен. Но никто не собирался к нему приходить и отдавать деньги.

– Ни на кого нельзя теперь положиться, – сказал он и, по-

теряв терпение, отправился наконец в город к мяснику требовать свои деньги. Мясник подумал, что тот шутит, но крестьянин сказал:

– Нет, шутки в сторону, я хочу получить свои деньги. Разве большая собака не приносила вам домой давеча целой коровьей туши?

Рассердился тут мясник, схватил метлу и выгнал крестьянина из дому.

– Постой, – сказал крестьянин, – есть еще правда на свете! – пошел в королевский замок и стал просить, чтобы его выслушали. Привели его к королю, – а сидел король вместе со своей дочерью, – и спрашивает, какая беда с ним случилась?

– Ох, – сказал крестьянин, – лягушки и собаки отняли у меня мое добро, а мясник расплатился со мной палкой, – и рассказал подробно все, как было. Начала тут королева громко смеяться, и сказал король крестьянину:

– В этом деле я тебе ничем помочь не могу, но за это ты должен получить дочь мою в жены: она отроду еще ни разу не засмеялась, и я обещал выдать ее замуж за того, кто ее расшевелит. Можешь теперь благодарить Бога за свое счастье.

– О-о, – ответил крестьянин, – да на что она мне сдалась: у меня есть дома жена, и той мне вполне хватит; как вернусь я домой, все мне чудится, будто в каждом углу у меня по жене.

Разгневался король и говорит:

– Ты грубиян!

– Ах, господин мой король, – ответил крестьянин, – и чего вам ждать от вола, как не воловьего мяса!

– погоди! – ответил король. – Ты получишь у меня дру- гую награду. Теперь убирайся вон, а спустя три дня приходи опять, получишь сполна все свои пятьсот.

Подошел крестьянин к дверям, а стража ему и говорит:

– Ты рассмешил королевну и получишь за это что-нибудь подходящее.

– Да, – ответил крестьянин, – думаю, что мне пятьсот от- считают.

– Послушай, – говорит солдат, – уступи мне из них толи- ку! Что тебе со всеми деньгами делать?

– Уж я для тебя, – говорит крестьянин, – готов уступить двести. Приходи через три дня к королю и попроси, чтоб он тебе выплатил.

А стоял вблизи какой-то меняла и разговор тот слышал, подбежал он к крестьянину, схватил его за куртку и говорит:

– Вот чудо Господне, какой вы, однако, счастливец! Я вам деньги обменяю, готов дать мелочью, ведь что вам с целыми талерами делать?

– Маушель, – сказал крестьянин, – да я тебе дам целых триста, только дай мне сейчас мелочь, а спустя три дня ко- роль за это с тобой рассчитается.

Обрадовался меняла такому барышу, принес все деньги в потертых грошах, а за три таких гроша давали два новень-

ких. Прошло три дня, явился крестьянин, согласно приказу, к королю.

– Снимите с него куртку, – сказал король, – сейчас он получит свои пятьсот.

– Ах, – сказал крестьянин, – да они уж мне не принадлежат: двести я подарил страже, а триста мне один меняла обменял, – от королевства мне ничего не причитается.

В это время входят солдат и меняла и требуют то, что посулил им крестьянин; и получил каждый из них ровно по столько же ударов. Солдат перенес это терпеливо, он уже не раз это пробовал, но меняла жалобно завопил:

– Ой, ой, ой, да разве же это звонкие талеры?

Рассмешил крестьянин короля, поостыл у того гнев, и он сказал:

– Так как ты награду свою потерял прежде, чем успел ее получить, то я дам тебе взамен нее вот что: ступай ко мне в казначейство да набери себе там золота, сколько хочешь.

Крестьянин не заставил себя долго упрашивать и набил себе полные карманы, сколько туда влезло. Потом он пошел в харчевню и стал свои деньги считать. А меняла шел за ним следом и слышал, как крестьянин ворчал про себя:

– Вот король-то мошенник какой, здорово меня надул! Если бы он выдавал мне деньги сам, то я знал бы, по крайней мере, что имею, а теперь откуда мне знать, правильно ли то, что я наугад себе сунул в карман!

– Спаси Господи, – сказал про себя меняла, – он гово-

рит непочтительно о нашем короле, побегу-ка я донесу ему об этом и получу за это награду, а его вдобавок еще и накажут.

Услыхал король про такие речи крестьянина, разгневался и велел позвать менялу и привести с собой грешника. Побежал меняла к крестьянину:

– Вы, – говорит, – должны явиться тотчас к королю, вот так, в чем стоите.

– Я уж лучше знаю, как подобает, – ответил крестьянин, – сперва велю пошить себе новую куртку; ты думаешь, что человек, у которого столько денег в кармане, может явиться в старой, поношенной куртке?

Понял меняла, что крестьянина без новой куртки не увести, а он боялся, что гнев у короля пройдет, а идти-то ведь за наградой ему, а крестьянину за наказаньем, – вот и говорит он:

– Я готов вам по дружбе одолжить на короткое время прекрасный камзол. Уж чего не сделает человек из любви к ближнему!

Это крестьянину понравилось, он надел камзол менялы и пошел с ним вместе. Сообщил король крестьянину про злые его речи, о которых донес ему меняла.

– Эх, – сказал крестьянин, – что говорит меняла, то всегда бывает неправдой, от него ни одного верного слова не дождешься. Вот он станет еще утверждать, что я и камзол его надел.

– А что ж, – крикнул меняла, – разве камзол не мой собственный? Разве не одолжил я его вам по дружбе, чтобы вы могли явиться к королю?

Услыхал это король и говорит:

– Одного уж из нас – или крестьянина, или меня, – а меняла, наверно, надул, – и он велел в доплату ему отсчитать еще звонких талеров. А крестьянин воротился домой в новом камзоле и говорит:

– Вот на этот раз ловко сошло.

8. Чудаковатый музыкант

Жил-был однажды на свете чудаковатый музыкант. Шел он раз по лесу один-одинешенек и раздумывал о всякой всячине; но когда ему думать было уж не о чем, он молвил про себя:

– Время в лесу тянется медленно, надо бы себе подыскать доброго товарища.

Он взял скрипку, которая висела у него за спиной, и стал на ней наигрывать что-то веселое, да так, что было слышать по всему лесу.

Вскоре выбежал из лесной чащи волк.

– А-а, вот и волк явился! Его-то я меньше всего хотел бы видеть, – сказал музыкант.

Но волк подступил ближе и говорит ему:

– Ох, милый музыкант, как ты, однако, хорошо играешь! Так и я бы непрочь научиться.

– Этому делу недолго обучиться, – ответил ему музыкант, – только ты должен исполнить все, что я тебе велю.

– О-о, музыкант, – сказал волк, – я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Музыкант велел ему идти вслед за собой. Вот прошли они часть дороги вместе, подошли к старому дубу; и было внутри него дупло, а посредине дерево было расщеплено.

– Смотри, – сказал музыкант, – если хочешь научиться

играть на скрипке, то заложил передние лапы в расщелину.

Волк послушался, а музыкант тем временем быстро поднял с земли камень и загнал волку обе лапы в расщелину, да так крепко, что тот оказался в ловушке и нельзя ему было и пошевелиться.

– А теперь жди меня, пока я вернусь, – сказал музыкант и пошел своей дорогой дальше.

Прошло ни много ни мало времени, и говорит музыкант опять про себя: «Здесь, в лесу, время тянется долго, надо бы себе раздобыть другого товарища». Он взял свою скрипку и заиграл на весь лес. Вскоре, пробиваясь через заросли, явилась лиса.

– Ах, вот и лиса явилась! – сказал музыкант. – Но видеть ее у меня нет особой охоты.

А лиса подошла к нему и говорит:

– Ой, милый музыкант, как ты прекрасно играешь! Так бы и мне тоже хотелось научиться.

– Что ж, научиться этому можно быстро, – сказал музыкант, – только ты должна исполнять все, что я тебе велю.

– О музыкант, – ответила лиса, – я буду тебя слушаться, как ученица своего учителя.

– Ступай за мной, – сказал музыкант.

Вот прошли они часть пути и подошли к тропе, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, пригнул с одной стороны орешничек до самой земли, наступил на его верхушку ногой, а с другой стороны на-

гнул другое деревцо и говорит:

– Ну, что ж, лисонька, ежели ты чему-нибудь хочешь научиться, то протяни-ка мне свою левую переднюю лапу.

Лиса послушалась, – и музыкант привязал ее лапу к левому стволу дерева.

– А теперь, лисонька, – сказал он, – протяни мне правую, – и привязал лапу к правому стволу дерева. Потом он посмотрел, прочно ли завязаны узлы, и отпустил лису; и вот поднялись деревья вверх и подбросили лисичку высоко-высоко; она повисла в воздухе и стала трепыхаться.

– А теперь дождайся меня, пока я вернусь, – сказал музыкант и двинулся дальше.

И опять говорит про себя: «Время в лесу тянется медленно; надо бы мне найти себе другого товарища». Он взял свою скрипку, и разнеслись звуки по всему лесу. Вот прискакал к нему зайчик.

– Ах, зайчик явился! – сказал музыкант. – А я-то его и не звал.

– Ох, милый музыкант, – сказал зайчик, – как ты прекрасно играешь на скрипке, хотел бы и я научиться так играть.

– Этому делу быстро можно научиться, – сказал музыкант, – только ты должен делать все, что я тебе велю.

– О музыкант, – ответил зайчик, – я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Прошли они часть дороги вместе, подошли к лесной поляне; а стояла там осина. Привязал музыкант зайчику на шею

длинную бечевку, а другой конец прикрепил к дереву.

– Ну, зайчик, а теперь беги-ка двадцать раз вокруг дерева, – крикнул музыкант.

Зайчик послушался, обежал двадцать раз вокруг осины, и двадцать раз обкрутилась бечевка вокруг ствола, и зайчик был пойман; и как ни тянул он и ни грыз бечевку, она только больше и больше врезалась в его нежную шею.

– А теперь дождайся, пока я назад вернусь, – сказал музыкант и двинулся дальше.

А волк тем временем все дергался, тянул, кусал камень и трудился до тех пор, пока не высвободил лап и не вытащил их из расщелины. Разгневанный, разъяренный, он кинулся вслед за музыкантом и решил его разорвать. Увидела лиса бегущего волка, начала выть и завопила во все горло:

– Братец мой волк, ступай ко мне на помощь, меня музыкант обманул!

Нагнул волк деревья, перегрыз веревки и освободил лису; и отправились они вместе, чтоб отомстить музыканту. Они нашли привязанного зайчика, освободили его тоже, а потом все вместе кинулись на поиски своего врага.

А музыкант, идя по дороге, заиграл опять на своей скрипке, но на этот раз ему посчастливилось больше. Его игру услышал один бедный дровосек, и он невольно бросил свою работу и пришел с топором в руке, чтобы послушать музыку.

– Наконец-то явился ко мне настоящий товарищ, – сказал музыкант, – ведь я-то искал человека, а не диких зверей.

И он начал играть на скрипке, и играл так прекрасно и с таким мастерством, что бедняк стоял, как зачарованный, и сердце у него ширилось от радости. И когда он стоял, явились волк, лиса и зайчик; и заметил дровосек, что они замышляют что-то недоброе. Поднял тогда дровосек свой острый топор и стал впереди музыканта, словно желая этим сказать: «Кто посмеет его тронуть, берегись, – тому придется дело иметь со мной!» Испугались тогда звери и убежали назад в лес, а музыкант сыграл дровосеку еще раз, в знак благодарности, и пошел себе дальше.

9. Двенадцать братьев

Жили когда-то король и королева; они жили между собой в мире и согласии, и было у них двенадцать детей, но все одни только мальчики. Вот и говорит раз король своей жене:

– Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то двенадцать мальчиков надо будет убить, чтобы у нее и богатства было больше и чтобы ей одной досталось все королевство.

И велел король сделать двенадцать гробов, наложить в них стружек, и лежало в каждом по маленькой подушечке; эти гробы были поставлены в потайной комнате, а ключ от нее он отдал королеве и велел ей никому о том не рассказывать.

И сидела мать день-деньской такая грустная и печальная, что младший ее сын, бывший всегда при ней неотлучно, которого она назвала, по-библейски, Вениамином, стал ее спрашивать:

– Милая матушка, отчего ты такая печальная?

– Милое дитяtko, – ответила она, – я об этом сказать тебе не могу. – Но он не давал ей покоя, пока она не пошла и не открыла комнату и не показала ему двенадцать готовых и наполненных стружками гробов. И сказала она:

– Мой милый Вениамин, эти гробы твой отец велел приготовить для тебя и твоих одиннадцати братьев. Если у ме-

ня родится на свет девочка, то все вы будете убиты и в них похоронены.

Она рассказывала ему об этом со слезами на глазах, а сын ее утешал и говорил:

– Не плачь, милая матушка, мы что-нибудь да придумаем и отсюда уйдем.

– Уходи вместе со своими одиннадцатью братьями в лес, пускай кто-нибудь из вас взберется на самое высокое дерево и все время стоит там на страже и смотрит на башню нашего замка. Если родится у меня сыночек, я подыму белый флаг, – и вы можете тогда вернуться; а родится у меня дочка, я подыму красный флаг, – тогда вы убегайте как можно быстрее, и да хранит вас Господь Бог. Каждую ночь я буду вставать и за вас молиться: зимой – чтобы вы согрелись где-нибудь у костра, а летом – чтобы не погибли от зноя.

Она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Каждый из них стоял по очереди на страже на высоком дубу и глядел на замковую башню.

Так прошло одиннадцать дней, и настал черед стоять на страже Вениамину; и увидел он, что поднят на башне флаг; но флаг был не белый, а красный как кровь, и он предвещал, что всем им придется погибнуть. Услыхав об этом, братья разгневались и сказали:

– Неужто мы должны погибнуть из-за какой-то девочки! Поклянемся за это отомстить! Где только ни встретим мы девочку, пусть прольется ее красная кровь!

Затем они двинулись дальше, в самую чащу лесную, туда, где было еще темнее и глуше; и нашли они там небольшую заколдованную избушку, и она стояла пустая. И они сказали:

– Мы поселимся здесь; ты, Вениамин, как самый младший и самый слабый, будешь оставаться дома и вести хозяйство, а мы будем ходить на охоту и добывать пищу.

И они ходили в лес, били зайцев, диких косуль, птиц и голубей – все, что в пищу годилось, и приносили домой свою добычу Вениамину, и он должен был готовить еду, чтобы они не голодали. И прожили они в той избушке целых десять лет, и время пролетело совсем незаметно.

А дочь, которую родила королева, за это время успела вырасти; была она сердцем добрая, лицом красивая, и была на лбу у нее золотая звезда.

Однажды в замке стирали белье, и она заметила двенадцать мужских рубашек и спросила у матери:

– Чьи это рубашки, на отца ведь они слишком малы?

Ответила ей мать с тяжелым сердцем:

– Милое дитя, это рубашки твоих двенадцати братьев.

Девушка спросила:

– А где же мои двенадцать братьев, я никогда о них ничего не слыхала.

– Бог весть, где странствуют они теперь по свету, – ответила мать и привела дочь к потайной комнате, открыла ее и показала ей двенадцать наполненных стружками гробов и маленькие подушечки.

– Эти гробы, – сказала она, – были приготовлены для твоих братьев, но они тайно ушли из замка, когда ты родилась, – и она рассказала ей, как все это произошло.

Девушка сказала:

– Не плачь, милая матушка, я пойду и разыщу своих братьев.

Она взяла двенадцать рубашек и ушла. Попала она как раз в тот самый дремучий лес. Шла она целый день и под вечер подошла к заколдованной избушке. Она вошла и увидела там мальчика, он спросил у нее:

– Ты откуда пришла и куда идешь? – Он удивился, что она такая красивая, что на ней королевское платье, а на лбу золотая звезда.

– Я королева, – ответила она, – ищу своих двенадцать братьев и буду искать их повсюду на свете, где есть только синее небо, пока не найду их.

И она показала ему двенадцать рубашек, которые принадлежали ее братьям. И понял тогда Вениамин, что это его сестра, и сказал:

– Я твой младший брат Вениамин.

Она от радости заплакала, и Вениамин тоже, и стали они целовать и обнимать друг друга. И он сказал:

– Милая сестрица, я должен тебя предупредить, что мы с братьями поклялись убивать всякую девушку, какую встретим, потому что из-за девушки мы должны были покинуть свое королевство.

– Что ж, я охотно умру, – сказала она, – если этим смогу спасти своих двенадцать братьев.

– Но я не хочу, – ответил он, – чтобы ты умерла, спрячься вот в этот чан, пока не придут одиннадцать братьев, а я уж как-нибудь их отговорю.

Она так и сделала. Когда наступила ночь, братья вернулись с охоты, и был готов для них ужин. Они сели за стол, начали есть, и спрашивают Вениамина:

– Ну, какие у тебя новости?

– А разве вы ничего не знаете? – сказал Вениамин.

– Нет, – ответили они.

А он продолжал:

– Вы были в лесу, а я оставался дома, но знаю больше, чем вы.

– Так расскажи нам.

– Хорошо, – сказал он, – только пообещайте мне, что первую девушку, какую мы встретим, убивать не станем.

– Да, – воскликнули они, – мы ее помилуем, только расскажи нам все.

И он сказал:

– А наша сестра здесь.

Он поднял чан, и вот вышла оттуда королева в своей королевской одежде, с золотой звездой на лбу; и была она так прекрасна, нежна и мила. Они все обрадовались, кинулись к ней на шею, стали ее целовать и полюбили ее от всего сердца.

И осталась она вместе с Вениамином в избушке и стала помогать ему по хозяйству. Одиннадцать братьев ходили в лес, ловили диких косуль, птиц и голубей, чтобы было что есть, а сестра с Вениамином готовили пищу. Она ходила собирать хворост, чтобы было на чем варить еду, а вместо овощей собирала разные травы и ставила в печь горшки, чтобы к приходу одиннадцати братьев приготовить им ужин. Она следила в избушке за чистотой и порядком, убирала постельки, чтобы были они чистые и свежие; и братья были всегда довольны и жили с ней все очень и очень дружно.

Однажды Вениамин вместе с сестрой приготовили прекрасный обед, и когда все собрались, они сели за стол, ели и пили и были радостные и веселые.

Но рядом с заколдованной избушкой был маленький садик, и росло в нем двенадцать лилий, что зовутся также «студентами»; и вот захотелось ей сделать братьям приятное, она сорвала двенадцать лилий, чтобы подарить каждому брату после обеда по цветку. Но только сорвала она лилии – и вмиг обратились двенадцать братьев в двенадцать воронов; они поднялись над лесом и улетели, а заодно исчезли избушка и сад.

И осталась бедная девушка одна-одинешенька в диком лесу. Огляделась она, видит – стоит перед ней старуха и говорит:

– Что ж ты, дитяtko мое, наделала? Зачем сорвала двенадцать белых лилий? Это ведь были твои братья, теперь они

навек обращены в воронов.

Начала девушка, плача, ее спрашивать:

– А нет ли какого средства их спасти?

– Нет, – сказала старуха, – есть одно средство на свете, но это так трудно, что спасти их ты все равно не сможешь. надо целых семь лет молчать, нельзя ни смеяться, ни говорить; а если ты вымолвишь хоть одно слово или до исполнения срока не достанет хотя бы одного часа, то все тогда пропадет, и одно твое слово убьет твоих братьев.

Подумала девушка: «Я знаю наверняка, что освобожу своих братьев». И она пошла, разыскала высокое дерево, взобралась на него и начала пряхть там пряжу; она не говорила и не смеялась.

И случилось так, что охотился на ту пору как раз в этом самом лесу король, и была у него большая борзая; подбежала она к дереву, на котором сидела девушка, и стала вокруг него прыгать, визжать и лаять. Подъехал король к дереву, увидел прекрасную королеву с золотою звездой на лбу и был так восхищен ее красотой, что спросил ее, не хочет ли она стать его женой. Она ничего не ответила, только слегка головой кивнула. Тогда он взобрался на дерево, снял ее оттуда, посадил на коня и привез к себе домой. И они отпраздновали на радостях пышную свадьбу. Но невеста не говорила ни слова и не смеялась.

Вот прожили они уже вместе два года в радости и довольстве, и начала тогда мать короля, – а была она женщина

злая, – клеветать на молодую королеву; и сказала она однажды королю:

– Да ведь это простая нищенка, которую ты привез с собой, и почему знать, какими злыми делами она занимается втайне от тебя. Если она немая, то могла бы хоть раз засмеяться; а кто никогда не смеется, совесть у того нечиста.

Король верить этому сначала не хотел, но старуха все настаивала на своем, обвиняла королеву в разных недобрых делах и, наконец, короля убедила; и вот он приговорил ее к смерти.

Уже развели во дворе большой костер, на котором должны были ее сжечь. И стоял король на башне у окна и смотрел со слезами на глазах: он по-прежнему крепко любил королеву. Вот привязали ее к столбу, и стал огонь уже лизать красными языками ее одежду, – и случилось это как раз в тот миг, когда минуло семь лет. И вдруг послышался в воздухе шум крыльев, – прилетели двенадцать воронов и опустились на землю; и только коснулись они земли, как снова обернулись двенадцатью братьями, которых она спасла. Они разбросали огонь, потушили пламя, освободили свою любимую сестру и стали ее целовать и прижимать к сердцу.

И теперь, когда она могла уже заговорить, она рассказала королю, почему она все время молчала и никогда не смеялась. Узнав, что она ни в чем не повинна, король обрадовался, и стали они жить да поживать в согласии до самой смерти. А злую свекровь привели на суд и посадили ее в бочку

с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и погибла она лю-
тою смертью.

10. Всякий сброд

Сказал петушок курочке:

– Сейчас самая пора, когда поспевают орехи. Давай-ка отправимся с тобой на гору и хоть разок да наедемся досыта, пока их не утащила белка.

– Хорошо, – говорит курочка, – пойдем, давай вместе с тобой полакомимся.

И пошли они вместе на гору, – а было еще совсем светло, – и остались там до самого вечера. Ну, я уже не знаю, то ли наелись они до отвала, то ли так возгордились, но, коротко говоря, не захотели домой пешком возвращаться. И вот сделал петушок из ореховой скорлупы возок. Когда возок был готов, курочка села в него и говорит петушку:

– А ты впрягайся и вези меня.

– Да что ты придумала? – сказал петушок. – Нет, уж лучше я пешком домой пойду, а впрягаться не стану, такого уговора у нас не было. Я, пожалуй, согласен сидеть за кучера на козлах, но тащить возок на себе – это дело никак не пойдет.

Спорят они между собой, а в это время закричала на них утка:

– Эй вы, воры, кто это вам дозволил на моей горе по орешнику лазить? Погодите, плохо вам придется! – и с разинутым клювом она стала подступать к петушку.

Но и петушок, не будь ленив, клюнул крепко утку и ударил

ее своими шпорами, да так сильно, что стала она просить пощады; и вот в наказание пришлось ей впрячься в возок.

Сел петушок вместо кучера на козлы и стал ее погонять:
– Но-о, утка, беги поживей!

Проехали они немного и повстречали по пути двух пешеходов: булавку и иголку. И кричат они: «Стой, стой!», и говорят, что скоро, мол, стемнеет и станет так темно, что хоть глаз выколи, и тогда уж им не двинуться дальше; что дорога-де очень грязна, так нельзя ли им будет подсесть на возок; говорят, что были они у ворот портновской харчевни, да задержались: пиво распивали.

Видит петушок, что людишки они худые, много места не займут, вот и позволил им влезть на возок, но взял с них зарок, что они не будут наступать на ноги ни ему, ни курочке.

Поздно вечером прибыли они в гостиницу, а так как ночью ехать они не пожелали, да и утка к тому же все ноги себе пообтоптала – еле с ноги на ногу переваливалась, то захали они туда на ночлег. Хозяин сначала не хотел было их пускать: дом-де весь полон гостей и места свободного нету, но потом подумал, что люди они, мол, незнатные, речи ведут приятные, а яйца ему были нужны – их снесла по дороге курочка, да и утку можно будет у себя придержать – она тоже неслась каждый день, – вот и согласился он, наконец, пустить их на ночлег. Велели они подать себе ужин и зажили припеваючи.

А наутро, чуть свет, когда все еще спали, разбудил петух

курочку, взял яйцо, надклевал его, и съели они его вдвоем, а скорлупу бросили в горящую печь. Потом подошли к иголке, – та еще спала, – взяли ее за ушко и воткнули в подушку хозяйского кресла, а булавку – в полотенце, а сами взяли и улетели в поле, ни слова никому не сказавши.

Утка, та любила спать на свежем воздухе и осталась потому во дворе; вдруг слышит – летят они, шумят крыльями, и тоже спохватилась, нашла какой-то ручеек и поплыла вниз по течению, – да куда быстрее, чем когда тащила возок.

А часа через два вылез хозяин из-под своей пуховой перины, умылся и хотел было вытереть себе лицо полотенцем, но булавка как царапнет его по лицу, так и оставила красную полосу от уха до уха. Пошел он тогда на кухню, хотел было раскурить трубку, подходит к печи, а тут как прыгнут ему в глаза яичные скорлупки.

– Не везет мне нынче с утра, – сказал он, раздосадованный, и сел в дедовское кресло, но как подскочит вверх, как завопит:

– Ой-ой-ой!

Но иголка, та была похитрей, – уколола его не в голову. Тут он и совсем рассердился, стал подозревать во всем своих гостей, прибывших вчера так поздно вечером; он пошел посмотреть, где они, а их уж и след простыл.

И поклялся он тогда больше не пускать к себе в дом всякий сброд: ест он много, да мало платит, да еще вместо благодарности всякими проделками занимается.

11. Братец и сестрица

Взял братец сестрицу за руку и говорит:

– С той поры, как мать у нас умерла, нету нам на свете радости: каждый день нас мачеха бьет, а когда мы к ней подходим, толкает нас ногами. И едим мы одни лишь сухие корки, что от стола остаются; собачонке и то под столом лучше живется, – ей бросит она иной раз хороший кусок. Боже мой, если б узнала о том наша мать! Давай уйдем вместе с тобой куда глаза глядят, будем бродить по свету.

И они ушли из дому. Целый день брели они по лугам, по полям, по горам; а когда пошел дождь, сестрица сказала:

– Это плачут заодно и Господь и наши сердца!

Под вечер зашли они в дремучий лес и так устали от голода, горя и долгого пути, что забрались в дупло дерева и уснули.

Они проснулись на другое утро, когда солнце стояло уже высоко на небе и своими лучами горячо прогревало дупло. И сказал тогда братец:

– Сестрица, мне хочется пить, – если б знать, где тут ручеек, я бы пошел напиться. Мне кажется, где-то вблизи журчит вода.

Братец поднялся, взял свою сестрицу за руку, и они стали искать ручеек. Но злая мачеха была ведьмой. Она видела, что дети ушли, и прокралась за ними тайком, как умеют

это делать ведьмы, и заколдовала все родники лесные. И вот, когда они нашли родничок, что прыгал, сверкая, по камням, и захотел братец из него напиться, услышала сестрица, как родничок, журча, говорил:

– Кто из меня напьется, тот тигром обернется!

И крикнула сестрица:

– Братец, не пей, пожалуйста, из него воды, а не то диким зверем обернешься и меня разорвешь.

Братец не стал пить из этого родничка, хотя ему очень хотелось, и сказал:

– Я потерплю, пока найдем другой родничок.

Пришли они к другому роднику, и услышала сестрица, что и этот тоже говорил:

– Кто из меня напьется, тот волком обернется!

И крикнула сестрица:

– Братец, не пей, пожалуйста, из этого родника, а не то обернешься волком и меня съешь.

Братец не стал пить и сказал:

– Я подожду, пока мы придем к другому роднику, – вот уж тогда я напьюсь, что бы ты мне ни говорила; мне очень хочется пить.

Пришли они к третьему роднику. Услышала сестрица, как он, журча, говорил:

– Кто из меня напьется, диким козлом обернется!

Кто из меня напьется, диким козлом обернется!

Сестрица сказала тогда:

– Ах, братец, не пей ты, пожалуйста, воды из этого родника, а не то диким козлом обернешься и в лес от меня убежишь.

Но братец стал у ручья на колени, нагнулся и напился воды. И только коснулись первые капли его губ, как сделался он вмиг диким козленком.

Заплакала сестрица над своим бедным заколдованным братцем, и козлик тоже заплакал; и сидел он рядышком с нею и был такой грустный-грустный. И сказала девочка:

– Успокойся, мой миленький козлик, я тебя никогда не оставлю.

И она сняла свою золотую подвязку, надела ее на шею козлику, нарвала осоки и сплела из нее мягкую веревку. Она привязала козлика за веревку и повела его вместе с собой дальше и шла все глубже и глубже, в самую чащу лесную.

Шли они долго-долго и подошли, наконец, к маленькой избушке. Заглянула девочка в избушку – видит: она пустая. И подумала девочка: «Вот здесь можно будет и поселиться». Она собрала для козлика листья и мох, сделала ему мягкую подстилку и каждое утро выходила собирать разные коренья, ягоды и орехи; и приносила козлику мягкой травы и кормила его с рук, и был козлик доволен и весело прыгал около нее. К вечеру, когда сестрица уставала, она читала молитву, клала свою голову на спину козлику – была она ей вместо подушки – и засыпала. И если бы можно было вернуть братцу его человеческий образ, то что за чудесная жизнь была бы

у них!

Вот так и жили они одни в лесной чаще некоторое время. Но случилось, что как раз на ту пору затеял король в этом лесу большую охоту. И трубили среди леса охотничьи рога, раздавался собачий лай, веселый посвист и улюлюканье егерей.

Козлик все это слышал, и захотелось ему побывать на охоте.

– Ах, – сказал он сестрице, – отпусти меня в лес на охоту, я дольше вытерпеть не в силах. – И он долго ее упрашивал, пока, наконец, она согласилась.

– Но смотри, – сказала она ему, – к вечеру возвращайся. От недобрых охотников дверь в избушке я запру, а чтоб я тебя узнала, ты постучись и скажи: «Сестрица,пусти меня», а если ты так не скажешь, то дверь я тебе не открою.

Вот выскочил козлик в лес, и было ему так приятно и весело гулять на приволье! Только увидел король со своими егерями красивого козлика, пустились они за ним в погоню, но нагнать его не могли; они думали, что вот-вот поймают его, а он скакнул в густую заросль и пропал у них на глазах.

Между тем стало уже смеркаться. Подбежал козлик к избушке, постучался и говорит:

– Сестрица,пусти меня. – И открылась перед ним маленькая дверь, вскочил козлик в избушку и отдыхал всю ночь на мягкой подстилке.

На другое утро охота началась снова; и когда козлик за-

слышал большой охотничий рог и улюлюканье егерей, он забеспокоился и сказал:

– Сестрица, открой дверь,пусти меня в лес погулять.

Открыла сестрица дверь и сказала:

– Но к вечеру, смотри, возвращайся и скажи: «Сестрица,пусти меня».

Как увидел король со своими егерями опять козлика с золотой повязкой на шее, все помчались за ним в погоню, но козлик был очень проворен и быстр. Гонялись за ним егеря целый день напролет и только к вечеру его окружили. Один из них ранил его в ногу, начал козлик прихрамывать, не смог бежать так быстро, как прежде. Тогда прокрался за ним следом один из егерей до самой избушки и услышал, как козлик говорил: «Сестрица,пусти меня!» – и видел, как дверь перед ним отворилась и тотчас закрылась опять. Охотник все это хорошо приметил, вернулся к королю и рассказал о том, что видел и слышал. И сказал король:

– Завтра еще раз выедем на охоту.

Сильно испугалась сестрица, увидев, что ее козлик ранен. Она обмыла ему кровь, приложила к ране разные травы и сказала:

– Ступай полежи, милый мой козлик, и рана твоя заживет.

Но рана была небольшая, и наутро у козлика и следа от нее не осталось. И когда он услышал в лесу опять веселые звуки охоты, он сказал:

– Невмочь мне дома сидеть, хочу погулять я в лесу; меня

никто не поймают, не бойся.

Заплакала сестрица и сказала:

– Нет, уж теперь они тебя убьют, и останусь я здесь одна в лесу, покинута всеми. Нет, не пущу я тебя нынче в лес.

– А я здесь тогда от тоски погибну, – ответил ей козлик. – Как заслышу я большой охотничий рог, так ноги сами и бегут у меня.

Что тут было делать сестрице? С тяжелым сердцем она открыла ему дверь, и козлик, здоровый и веселый, ускакал в лес.

Увидел его король и говорит егерям:

– Уж теперь гоняйтесь за ним целый день до самой ночи, но смотрите, чтоб никто из вас его не ранил.

И вот, только солнце зашло, говорит король егерю:

– Ну, ступай покажи мне эту лесную избушку.

Тогда он подошел к маленькой двери, постучался и сказал:

– Дорогая сестрица,пусти меня.

Открылась дверь, и король вошел в избушку; видит – стоит там девушка красоты несказанной. Испугалась девушка, увидав, что это вошел не козлик, а какой-то чужой человек, и на голове у него золотая корона. Но король ласково на нее поглядел, протянул ей руку и сказал:

– Хочешь, пойдем со мной в замок, и будешь ты моей милой женой.

– Ах, я согласна, – ответила девушка, – но козлик должен

идти со мной, я его никогда не оставлю.

– Хорошо, – сказал король, – пускай он останется на всю жизнь при тебе, и будет ему всего в досталь.

А тут подскочил и козлик; и сестрица привязала его за веревку из осоки и вывела из лесной избушки.

Посадил король девушку на коня и привез ее в свой замок; там отпраздновали они свадьбу с большой пышностью. Стала она теперь госпожой королевой, и они жили счастливо вместе долгие годы, а козлика холили и кормили, и он прыгал по королевскому саду.

Но злая мачеха, из-за которой детям выпало на долю бродить по свету, решила, что сестрицу разорвали, пожалуй, в лесу дикие звери, а козлик убит охотниками. Когда она услышала, как они счастливы и что живется им так хорошо, в сердце у нее зашевелились зависть и злоба, и они не давали ей покоя, и она думала только о том, как бы опять накликать на них беду.

А была ее родная дочка уродлива, как темная ночь, и была она одноглазой. Стала она попрекать свою мать:

– Ведь стать королевой полагалось бы мне.

– Ты уж помолчи, – сказала старуха и стала ее успокаивать: – придет время, я все сделаю, что надо.

Прошел срок, и родила королева на свет прекрасного мальчика; а на ту пору был король как раз на охоте. Вот старая ведьма приняла вид королевской служанки, вошла в комнату, где лежала королева, и говорит больной:

– Королева, идите купаться, уж ванна готова, купанье вам поможет и прибавит сил; идите скорей, а то вода остынет.

Ведьмина дочь была тут же рядом; и отнесли они ослабевшую королеву в ванную комнату, опустили ее в ванну, заперли дверь на ключ, а сами убежали. Но они развели в ванной такой адский огонь, что молодая красавица-королева должна была вот-вот задохнуться.

Сделав это, старуха взяла свою дочку, надела на нее чепец и уложила ее в постель вместо королевы. И сделала она ее похожей на королеву, только не могла она приставить ей второй глаз. Но чтоб король этого не заметил, пришлось ее положить на ту сторону, где у нее не было глаза.

Воротился вечером король домой и, услышав, что королева родила ему сына, сильно обрадовался, и ему захотелось пойти проведать свою любимую жену и поглядеть, что она делает. Но старуха закричала:

– Ради Бога, задвиньте скорей полог, королеве смотреть на свет еще трудно, ее тревожить нельзя.

Король вернулся назад, не зная о том, что в постели лежит самозванная королева.

Наступила полночь, и все уже спали; и вот увидела мамка, сидевшая в детской у колыбели, – она одна только в доме не спала, – как открылись двери и в комнату вошла настоящая королева. Она взяла на руки из колыбели ребенка и стала его кормить грудью. Потом она взбила ему подушечку, уложила его опять в колыбельку и укрыла одеяльцем.

Но не забыла она и про козлика, заглянула в угол, где он лежал, и погладила его по спине. Потом она тихонько вышла через дверь; мамка на другое утро спросила стражу, не заходил ли кто ночью в замок, но сторожа ответили:

– Нет, мы никого не видали.

Так являлась она много ночей подряд и ни разу при этом не обмолвилась словом. Мамка каждый раз ее видела, но сказать о том никому не решалась.

Так прошло некоторое время, но вот однажды королева ночью заговорила и молвила так:

Как мой сыночек? Как козлик мой?

Явлюсь я дважды и не вернусь домой.

Мамка ей ничего не ответила, но когда королева исчезла, мамка пришла к королю и обо всем ему рассказала. Король сказал:

– Ах, Боже мой, что же это значит? Следующую ночь я сам буду сторожить возле ребенка.

Он пришел вечером в детскую, а в полночь явилась опять королева и сказала:

Как мой сыночек? Как козлик мой?

Приду я однажды и не вернусь домой.

И она ухаживала за ребенком, как делала это всегда, а потом снова ушла. Король не осмелился заговорить с нею,

но и следующую ночь он тоже не спал. И она снова спросила:

Как мой сыночек? Как козлик мой?
Теперь уж больше я не вернусь домой.

И не мог король удержаться, он бросился к ней и сказал:
– Значит, ты моя милая жена!

И она ответила:

– Да, я твоя жена, – и в тот же миг по милости Божьей она ожила и стала опять здоровой, румяной и свежей, как прежде.

Потом она рассказала королю о злодействе, что совершила над ней злая ведьма вместе со своей дочкой.

Тогда король велел привести их обеих на суд, и был вынесен им приговор.

Ведьмину дочь завели в лес, где ее разорвали дикие звери, а ведьму взвели на костер, и ей пришлось погибнуть лютой смертью. И когда остался от нее один только пепел, козлик опять обернулся человеком, и сестрица и братец стали жить да поживать счастливо вместе.

12. Рапунцель

Однажды жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребенка, но его все не было; и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый Господь исполнит ее желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, откуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесен высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете ее боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель;² был он на вид такой свежий и такой зеленый, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у нее все с каждым днем возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной. Испугался муж и спрашивает:

– Чего тебе, моя женушка, недостает?

– Ах, – говорит она, – если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зеленого рапунцеля и его не отведать, то останется мне одно – помереть.

² Рапунцель – от лат. *garisium* – сурепица, из семян которой добывают масло.

Муж очень ее любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать приходится, то я достану для нее рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зеленого рапунцеля и принес его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у нее желанье втрое большее, чем прежде. И она не могла найти себе покоя, пока муж не согласился полезть в сад еще раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

– Как ты смеешь лазить в мой сад, – сказала она, гневно на него поглядев, – и красть у меня, как вор, мой зеленый рапунцель? Тебе плохо за это придется.

– Ах, – ответил он, – вы уж меня простите, ведь я решился на это по нужде: моя жена увидала из окошка ваш зеленый рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошел, и она сказала ему:

– Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, но при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребенка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нем

заботиться, как мать родная.

И он со страху согласился на все. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла ее в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни лестницы, только на самом ее верху было маленькое оконце. Когда колдунье хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз.

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распустит свои косы, подвяжет их вверх к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, – и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проезжать на коне через лес, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, коротая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой,

но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытать счастья», — и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал королевич к башне и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз!

И упали тотчас волосы вниз, и королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошел человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронато ее пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил ее непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж, — а был он мо-

лодой и красивый, – она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Готель», – и дала свое согласие и протянула ему руку. Она сказала:

– Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шелка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезешь меня на своем коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днем приходила старуха. Колдунья ничего не замечала до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

– Скажи мне, фрау Готель, почему мне тебя тащить наверх тяжелей, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

– Ах ты, мерзкая девчонка! – крикнула колдунья. – Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня все-таки обманула! – И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и – чик-чик! – отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такою безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чашу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному крючку

и, когда явился королевич и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,
Спусти свои косоньки вниз! —

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич наверх, но не нашел там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага! — крикнула она насмешливо. — Ты хочешь увезти свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поет. Ее унесла кошка, а тебе она выцарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видеть ее тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаянье выпрыгнул из башни; ему удалось сохранить жизнь, но колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и все время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал он несколько лет в горе и печали и зашел наконец в густую чащу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со своими детьми-близнецами, которых она родила, с мальчиком и девочкою.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошел навстречу ему; и когда подошел

он ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Но упали две слезинки к нему на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. И он привел ее в свое королевство, где встретили его с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

13. Три маленьких лесовика

Жил-был один человек, и умерла у него жена; и жила женщина, и умер у нее муж; была у человека дочь, и у женщины тоже была дочь. Девушки были между собой знакомы и ходили вместе гулять, и захаживали не раз к этой женщине в дом. Вот женщина раз и говорит дочери того человека:

– Послушай, скажи-ка своему отцу, что я хочу выйти за него замуж, и уж будешь ты у меня каждый день в молоке купаться да вино попивать, а дочь моя пусть в воде купается и пьет одну только воду.

Воротилась девушка домой и рассказала отцу то, что ей велела передать женщина. Говорит отец:

– Как же мне быть? Женишься раз, а плачешься век, – оно ведь и радость и горе.

И вот, не зная, как ему поступить, снял он с ноги сапог и говорит:

– Возьми-ка этот сапог – в нем подошва дырявая, отнеси его на чердак, и повесь на большой гвоздь, и налей в сапог воды. Коль вода из него не просочится, то придется мне во второй раз жениться, а просочится – так не стану жениться.

Девушка сделала, как было ей велено; но от воды дыра в сапоге затянулась, и сапог оказался доверху полон воды. Рассказала она о том своему отцу. Вот полез он на чердак

и увидел, что дочь говорит правду; пошел к вдове и женился на ней, – тут они и свадьбу сыграли.

На другое утро встали обе девушки, видят – стоит перед отцовой дочкою молоко для мытья и вино для питья, а перед дочкой жены – вода для мытья да вода для питья. На второе утро видят – стоит вода для мытья и вода для питья и перед отцовой дочкой, и перед дочерью жены. А на третье утро – глядь, стоит вода для мытья да вода для питья перед отцовой дочкой, а молоко для мытья да вино для питья – перед дочерью жены; так пошло оно и дальше.

Невзлюбила мачеха падчерицу и не знала, что бы такое и придумать, чтоб было ей день ото дня и того хуже. А была она к тому же завистлива: ведь падчерица была и мила и красива, а родная ее дочь уродлива и противна.

Однажды зимой, когда наступили лютые морозы и все кругом позамерзло, горы и долины засыпало снегом, сшила мачеха платье из бумаги, подозвала девушку и говорит:

– Надень это платье, ступай в лес да принеси мне полное лукошко земляники: мне хочется ягод поесть.

– Господи, да ведь зимой земляника не растет, – молвила девушка, – земля-то ведь вся промерзла и снегом покрыта. И как пойду я в бумажном платье? На дворе ведь так холодно, что дух захватывает, ветер продует меня насквозь, а колючий терновник разорвет мне платье.

– Ты что это? Перечить мне вздумала? – сказала мачеха. – Ступай живей и не смей мне и на глаза показываться, пока

не наберешь полное лукошко земляники.

Она дала ей кусок черствого хлеба и сказала:

– Этого тебе хватит на целый день, – а сама подумала: «На дворе ты замерзнешь, и с голоду пропадешь, и никогда назад не вернешься».

Девушка послушалась, надела бумажное платье и вышла из дому с лукошком. А кругом одни только снега да снежные просторы и дали, и ни одного зеленого стебелька не видать.

Пришла она в лес, видит – стоит маленькая избушка; и выглядывают из нее три маленьких лесовика. Поздоровалась она с ними и робко в дверь постучалась. Они крикнули: «Входи!» – и она вошла в комнату и села на скамейку у печки, – ей хотелось согреться и съесть свой кусок хлеба. А маленькие человечки и говорят:

– Дай и нам кусочек.

– Хорошо, – ответила она и разломилла свой кусок хлеба надвое и отдала им половину. А они потом спрашивают:

– Отчего ты в таком тоненьком платье зимою в лесу?

– Ах, – ответила девушка, – я должна набрать полное лукошко земляники, а без этого мне домой вернуться никак нельзя.

Когда она съела свой кусок хлеба, они дали ей метлу и сказали:

– Теперь подмети снег у черной двери избушки.

Она вышла, а маленькие человечки стали между собой говорить: «Что бы это нам ей такое подарить, ведь она прилеж-

ная и ласковая, и хлебом своим с нами поделилась».

И сказал первый из них:

– Я одарю ее тем, что будет она день ото дня становиться все краше.

Второй сказал:

– А я одарю ее тем, что будут у ней изо рта, только скажет она слово, падать червонцы.

Сказал третий:

– А я одарю ее тем, что явится король и женится на ней.

Исполнила девушка то, что сказали ей маленькие человечки, промела метлой снег у избышки, – и, как вы думаете, что же она нашла? Спелую землянику! Она пробила тем-но-красной ягодкой из-под снега. И набрала девушка на радостях полное лукошко; поблагодарила маленьких лесовиков, попрощалась с каждым из них за руку и побежала домой, желая принести мачехе то, что та ей велела.

Воротилась она домой и только сказала «добрый вечер», как тотчас выпал у нее изо рта червонец. Потом она рассказала, что случилось с нею в лесу, и при каждом ее слове падали у ней изо рта червонцы, так что вскоре вся комната была завалена ими.

– Поглядите-ка на это чванство! – закричала ее сводная сестра, – так деньгами и швыряется. – Но втайне она ей позавидовала, и захотелось ей тоже пойти в лес за земляникой.

Мать стала ее отговаривать:

– Нет, милая доченька, на дворе слишком холодно, ты мо-

жешь замерзнуть. – Но та все ее упрашивала, и мать, наконец, согласилась, пошла ей роскошную меховую шубку и дала ей на дорогу хлеб с маслом и пирожки.

Отправилась девушка в лес и пошла прямо к той маленькой избушке. Три маленьких человечка, как и в тот раз, выглянули из окошка, но она с ними не поздоровалась и, не глядя на них и не сказав им ни слова, ввалилась в комнату, уселась у печки и начала жевать свой хлеб с маслом и пирожки.

– Дай и нам немножко, – воскликнули маленькие человечки.

Но она им ответила:

– Мне и самой-то не хватит, чего ради буду я еще с другими делиться?

Когда девушка поела, они сказали:

– Вот тебе метла, вымети чисто перед черной дверью.

– Э, да метите вы сами! – ответила она. – Я вам не служанка. – А когда она поняла, что они дарить ей ничего не собираются, она ушла от них.

И стали говорить между собой маленькие лесовики: «Что бы это ей такое подарить за то, что она такая недобрая, и с таким злым, завистливым сердцем, и не хочет делать никому добра?»

Первый сказал:

– Я одарю ее тем, что будет она с каждым днем все уродливей.

Второй сказал:

– Я одарю ее тем, что при каждом слове, что вымолвит она, будет у ней изо рта выскакивать жаба.

А третий сказал:

– А я награжу ее тем, что она умрет лютою смертью.

Стала девушка искать землянику, но не нашла ни одной ягодки и воротилась с досады домой. Только она открыла рот, чтобы рассказать матери, что случилось с нею в лесу, как стало выскакивать у ней изо рта при каждом слове по жабе, и все почувствовали к ней отвращение.

Стала мачеха еще пуще прежнего злиться на свою падчерицу и придумывать, как бы ей досадить, а падчерица становилась с каждым днем все красивей и красивей.

Наконец достала мачеха котел, поставила его на огонь и стала кипятить в нем пряжу. Когда та проварилась, взвалила она пряжу на плечи бедной девушке, дала ей в руки топор и велела идти на речку вырубить в ней прорубь и хорошенько помыть пряжу.

Девушка послушалась, пошла и вырубилла во льду прорубь. Но когда она колола лед, подъехала пышная карета, и сидел в ней король. Карета остановилась, и король спросил:

– Дитя мое, ты кто такая и что ты тут делаешь?

– Я бедная девушка, мою пряжу.

Король ее пожалел и, увидев, что она такая красивая, сказал:

– Хочешь, поедем вместе со мной?

– Ах, с большою охотой! – ответила она, обрадовавшись, что ей не придется идти назад к мачехе и сестре.

И она села в карету и поехала вместе с королем. Прибыли они в замок и отпраздновали там пышную свадьбу, и было это ей в награду от маленьких лесных человечков.

Спустя год родила молодая королева сына; и когда мачеха услышала о таком великом счастье, то пришла со своей дочерью в замок, будто желая ее поведать. Но как раз на ту пору король куда-то отлучился и при ней не было никого; тогда схватила злая женщина королеву за голову, а дочка взяла ее за ноги, они подняли ее с постели и бросили через окошко в реку, протекавшую около самого замка. Потом мачеха положила в постель свою уродливую дочь и укрыла ее с головой одеялом.

Воротился король, и захотелось ему поговорить с женой, но старуха закричала:

– Тише, тише, сейчас нельзя, она лежит в сильной испарине, нынче ее надо оставить в покое.

Король, не подозревая ничего дурного, пришел только на другое утро, и когда он заговорил с женой, то при каждом слове выскакивала у нее изо рта жаба, а прежде, бывало, падал червонец. Тогда король спросил, что это значит, и старуха объяснила, что это у нее, дескать, от сильной испарины и что это скоро пройдет.

А в ночи увидал поваренок, как приплыла по водосточной канаве какая-то утка и спросила:

Король, как ты поживаешь?
Бодрствуешь иль поживаешь?

Но когда он ей ничего не ответил, утка спросила:

А как мои гости, сидят?

Ответил ей поваренок:

Нет, они крепко спят.

Стала она тогда спрашивать:

А как родимый сыночек?

И ответил поваренок:

Он спит себе в люльке всю ночьку.

И обернувшись тогда утка королевой и вошла в замок, покормила ребенка, покачала его в колыбельке, укрыла его и опять уплыла по канаве. Так являлась она подряд две ночи, а на третью сказала поваренку:

– Ступай и скажи королю, чтоб он взял свой меч и трижды взмахнул им надо мной на пороге.

Побежал поваренок и рассказал о том королю. Явился король и трижды взмахнул мечом над привидением; и только

взмахнул в третий раз, вдруг видит – стоит перед ним его жена, жива, здорова и невредима, как была прежде.

И был король в великой радости, но продержал королеву в потайной комнате до воскресенья, когда должны были крестить ребенка. А когда его окрестили, король спросил у старухи:

– Как должно поступить с человеком, который стаскивает кого-нибудь с постели и бросает его в воду?

– Никак иначе, – ответила старуха, – как посадить такого злодея в бочку, утыканную гвоздями, и скатить ее с горы в реку.

И сказал король:

– Ты сама себе вынесла приговор.

И он велел принести бочку, утыканную гвоздями, и посадить в нее старуху с дочкой. Забили бочку наглухо и спустили с горы, и покати́лась она прямо в реку.

14. Три пряжи

Жила-была девушка, ленивица да прясть не охотница; и что ей мать ни говорила, а заставить ее работать никак не могла.

Вот, наконец, у матери терпенья не стало, разгневалась она и побила свою дочь, а та и разревелась вовсю. А как раз в это время проезжала мимо королева; услышала она плач, велела остановить карету, вошла в дом и спрашивает у матери, за что та бьет свою дочь так, что слышен крик даже на улице.

Стыдно было женщине рассказывать, что дочка у ней такая ленивая, и она сказала:

– Да вот никак не могу оторвать ее от прялки, у нее все охота прясть да прясть, а мне-то, по бедности, откуда достать столько льна?

И сказала королева:

– Нет для меня ничего приятней, как слышать, когда прядут, и нет ничего мне милее, когда жужжат веретена. Отдай-те мне дочь свою в замок, льна у меня достаточно, и пусть себе прядет, сколько ей вздумается.

Мать была этому рада, и королева забрала девушку с собой. Вот прибыли они в замок, повела королева ее наверх и показала три светелки, а набиты они были сверху донизу самым отборным льном.

– Вот этот лен ты мне и перепряди, – сказала она. Коль управишься с этой работой, я выдам тебя замуж за старшего своего сына. Я не посмотрю на то, что ты девушка бедная, твое усердие будет вместо приданого.

Испугалась девушка: ведь она не могла перепрядь столько льна, даже если бы сидела над пряжей каждый день с утра и до вечера целых триста лет.

Осталась она одна и стала плакать и просидела так, сложа руки, целых три дня. А на третий день пришла королева и, увидев, что девушка ничего не напярла, удивилась, но та ей объяснила, что не могла начать работать, тоскуя по материнскому дому. Королева этим объяснением удовлетворилась, но, уходя, сказала:

– Ну, завтра, смотри, за работу принимайся.

И осталась девушка опять одна, и, не зная, что ей начать, что и придумать, подошла в горе к окошку. Она увидела, что идут три женщины: и была у одной из них ступня широкая, а у другой такая толстая нижняя губа, что прямо вся к подбородку свисала, а у третьей был широкий большой палец.

Остановились они у окошка, посмотрели наверх и спросили девушку, чего ей не хватает. Она стала жаловаться на свое горе; и вот предложили они ей помочь и сказали:

– Если ты пригласишь нас на свадьбу и нас стыдиться не будешь, а станешь называть нас своими тетушками и к себе за стол посадишь, то мы весь лен тебе перепрядем, и сде-

лаем это быстро.

– Я буду очень рада, – ответила она, – входите и принимайтесь скорей за работу.

Она впустила трех диковинных женщин и освободила для них место в первой светелке. Они сели и начали прясть. Одна тянула нитку и вертела колесо, другая ее смачивала, а третья сучила и пальцем о стол постукивала, – и падал ворох пряжи наземь, и была пряжа самой тонкой работы. Девушка скрывала от королевы этих трех прях, и когда та приходила, показывала ей целый ворох готовой пряжи, и похвалам королевы не было конца. Когда в первой комнате льна уже не хватило, они перешли во вторую, наконец – в третью, а вскоре и в этой льна больше не хватило.

Потом три женщины попрощались и напомнили девушке:

– Смотри же, не забудь, что нам обещала; и будет тебе счастье!

Девушка показала королеве пустые комнаты и большую грудку пряжи, и та стала готовить ей свадьбу; и радовался жених, что женится на такой искусной и прилежной девушке, и всячески ее расхваливал.

– Есть у меня три тетки, – сказала девушка, – они мне сделали много добра, и я не хотела бы позабыть о них в своем счастье, – так вот, дозволейте мне пригласить их на свадьбу и посадить рядом с собою за стол.

Королева и жених отвечали:

– Ну, конечно, мы разрешаем!

И вот, когда начался свадебный пир, вошли во дворец три женщины в странном одеянии, а невеста им и говорит:

– Добро пожаловать, милые тетушки!

– Ах, – говорит жених, – как ты можешь дружить с такими противными бабами? – И он подошел к той, у которой была широкая ступня, и спрашивает:

– Отчего это у тебя такая широкая ступня?

– От работы на прялке, – ответила она, – от работы на прялке.

Потом подходит жених ко второй и спрашивает:

– Отчего это у тебя губа такая отвисшая?

– Оттого, что лен смачивала, – ответила она, – оттого, что лен смачивала!

Спросил он третью:

– Отчего у тебя палец такой широкий?

– Оттого, что нитки сучила, – ответила она, – оттого, что нитки сучила!

Испугался тогда королевич и говорит:

– С этой поры никогда моя милая невеста не должна к прялке и близко подходить.

Так избавилась она от ненавистной ей пряжи.

15. Гензель и Гретель

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку – Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и все одолевали его разные мысли и заботы; повздыхал он и говорит жене:

– Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

– А знаешь что, – отвечала жена, – давай-ка пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу; разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

– Нет, жена, – говорит дровосек, – этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

– Эх ты, простофиля! – говорит жена. – Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и останется только одно: гробы сколачивать. – И она донимала его до тех пор, пока он с ней согласился.

– А все-таки жалко мне моих бедных детей! – сказал дро-

восек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали все, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

– Видно, нам теперь пропадать придется.

– Тише, Гретель, – сказал Гензель, – не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

– Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно, Господь нас не оставит. – И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

– Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

– Вот это будет вам на обед; да смотрите, не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник, – ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился,

оглянулся назад, посмотрел на избушку, – так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

– Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаешь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

– Ах, батюшка, – ответил ему Гензель, – я все гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».

А мачеха и говорит:

– Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

– Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

– Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернемся назад и возьмем вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был совсем не стук топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели они так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

– Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать.

– погоди маленько, скоро взойдет луна, и мы уж найдем дорогу.

Когда вошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку, – а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

– Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, – было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

– У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придет. Надо бы нам от детей избавиться: давай заведем их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, – другого выхода у нас нету.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал:

«Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться». Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот – плохое начало не к доброму концу, – уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз, но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

– Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж Бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все оставивался и бросал хлебные крошки на дорогу.

– Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься, – сказал отец, – ступай своей дорогой.

– Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, – ответил Гензель.

– Дурень ты, – сказала мачеха, – это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

– Детки, садитесь вот тут, а станете, так поспите малень-

ко; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем, – ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, и никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

– Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот вошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли, – тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

– Мы уж как-нибудь да найдем дорогу.

Но они ее не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и они заметили на ветке красивую

белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались ее пеньем. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом, и шли, пока, наконец, не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят – сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

– Вот мы за нее и примемся, – сказал Гензель, – и то-то будет у нас славное угощенье! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возьмишься за окошко, – оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум все под окном,
Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали обедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала

целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

– Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды – молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чувят близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

– Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: «То-то приготовлю я себе

лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля своею костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там за решетчатой дверью – пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

– Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, – вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но – что делать? – пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

– Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым, – тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

– Эй, Гретель, – крикнула она девочке, – пошевеливайся живей, принеси-ка воды: все равно – жирен ли Гензель, или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

– Господи, да помоги же ты нам! – воскликнула она. – Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

– Ну, нечего хныкать! – крикнула старуха. – Теперь тебе ничего не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

– Сначала мы испечем хлеб, – сказала старуха, – я уже истопила печь и замесила опару. – Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя.

– Ну, полезай в печь, – сказала ведьма, – да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлеба сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

– Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

– Вот глупая гусыня, – сказала старуха, – смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть, – и она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма

в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

– Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.